

НА СТРАЖЕ ЗАКОНА

2024
№ 2 (6)

Научный журнал «На страже закона». Научный журнал учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Зарегистрирован в качестве средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 21 марта 2023 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-84871

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Давлетов А.А., д.ю.н., профессор;

Балакшин В.С., д.ю.н., профессор;

Сабанин С.Н., д.ю.н., профессор;

Спирин А.В., к.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Заместитель главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н.;

Веденин Д.В., к.ю.н.;

Виноградова О.П., к.ю.н., доцент;

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент;

Дерюгин Р.А., к.ю.н., доцент;

Расулова Н.С., к.ю.н.;

Титов П.М., к.ю.н.;

Чернышев Д.Б., к.ю.н.;

Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь *Кудоярова Г.Р.*

Редактор *Бebих И.Б.*

Переводчик *Гузикова В.В.*

Федеральный научный журнал «На страже закона» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2023 года и издается ежеквартально.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург,
ул. Корепина, 66. Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2949-2696

Подписано в печать 28.05.2024. Формат 60x84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 30 экз. Заказ № 35

Дата выхода в свет 31.05.2024. Свободная цена

© Уральский юридический институт МВД России, 2024

ENFORCEMENT

The Scientific Journal «Law enforcement». The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation». Registered in mass media by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, registration date: March 21, 2023, registration number: PI FS77-84871

Editorial Council:**Chairperson of the Editorial Council**

Stelmakh V.Yu., dr. of law, associate professor

Members of the Editorial Council:

Balakshin V.S., dr. of law, professor;

Davletov A.A., dr. of law, professor;

Sabanin S.N., dr. of law, professor;

Spirin A.V., cand. of law, associate professor

Editorial Board:**Chief Editor**

Gusev A.V., cand. of law, associate professor

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., cand. of law, associate professor

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., cand. of law;

Vedenin D.V., cand. of law;

Vinogradova O.P., cand. of law, associate professor;

Golubykh N.V., cand. of law, associate professor;

Deryugin R.A., cand. of law, associate professor;

Rasulova N.S., cand. of law;

Titov P.M., cand. of law;

Chernyshev D.B., cand. of law;

Schetinina N.V., cand. of law, associate professor

Executive Secretary *Kudoyarova G.R.*

Editor *Bebikh I.B.*

Translator *Guzikova V.V.*

The Federal Scientific Journal «Law enforcement» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches by specialty 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences), materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2023 and is published quarterly.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house / printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, ul. Korepina, 66.
Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru
Website: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2949-2696

Signed in the press on May 28, 2024.

Format 60x84 / 8 Offset printing. Office paper.

Usl. Printer. L. 8.0. Uch.-ed. L. 8.0 Edition 30 copies.

Order No. 35. Date of publication on

May 31, 2024. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

<i>Русман Г.С.</i> О допустимости повторного заявления ходатайства о прекращении уголовного дела, уголовного преследования	5
<i>Стельмах В.Ю.</i> Социальная обусловленность особых производств в российском уголовном процессе	10

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>Афанасьев А.Ю.</i> Программа исследования механизма доказывания преступной деятельности	15

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ

<i>Ржанникова С.С., Липин С.А.</i> Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничеств с использованием Пушкинских карт	20

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Аюкин Т.К.</i> Способы предупреждения краж и угонов автотранспорта	26

ТЕОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ

<i>Веденин Д.В.</i> Изменение уголовного законодательства, связанного с уголовной ответственностью лиц, участвующих в специальной военной операции	30
<i>Фомин С.А.</i> Тенденции состояния и динамики преступности, отдельных видов преступлений в Российской Федерации на современном этапе.....	36

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Чихрадзе А.М.</i> Потерпевший и его действия в механизме совершения убийств с привилегированным составом	46

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Ефарова М.Н.</i> Взгляд соискателя на отдельные проблемные вопросы уголовной ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ), отмеченные официальным оппонентом	54

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Маслов В.А.</i> Вопросы обоснованности уголовного правотворчества	58

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «На страже закона» ссылка на журнал обязательна.

CONTENTS

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINAL TRIAL

<i>Rusman G.S.</i> On the Admissibility of a Repeated Petition for the Termination of a Criminal Case, Criminal Prosecution	5
<i>Stelmakh V.Yu.</i> The social conditionality of special proceedings in the Russian criminal process	10

DISCUSSION TRIBUNE

<i>Afanasyev A.Yu.</i> Criminal Evidence Mechanism Research Programme	15

CURRENT STATE AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS. FORENSIC SCIENCE

<i>Rzhannikova S.S., Lipin S.A.</i> Criminal and criminalistic characteristics of frauds using Pushkin's cards	20

THEORY AND PRACTICE OF CRIMINAL INTELLIGENCE

<i>Ayukin T.K.</i> Ways to prevent theft and theft of vehicles	26

THEORY OF CRIMINOLOGY AND PROBLEMS OF THE FUNCTIONING OF THE CRIME PREVENTION SYSTEM AND ITS TYPES

<i>Vedenin D.V.</i> Changes in criminal legislation related to the criminal liability of persons participating in a special military operation	30
<i>Fomin S.A.</i> Trends in the state and dynamics of crime, certain types of crimes in the Russian Federation at the present time	36

THEORY OF CRIMINAL LAW AND THE PROBLEMS OF MODERN CRIMINAL LAW

<i>Chikhradze A.M.</i> The victim and his actions in the mechanism of committing murder with privileged composition	46

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

<i>Efarova M.N.</i> The applicant's view on certain problematic issues of criminal liability for actions that threaten the safe operation of vehicles (article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), noted official opponentn	54

CRIMINAL POLICY

<i>Maslov W.A.</i> Issues of validity of criminal lawmaking	58

When reprinting or reproducing in any way, in whole or in part, materials of the journal «Law enforcement» reference to the journal is obligatory.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Научная статья
УДК 343.13

О допустимости повторного заявления ходатайства о прекращении уголовного дела, уголовного преследования

Русман Галина Сергеевна
Южно-Уральский государственный университет (национальный
исследовательский университет), Челябинск, Россия, galina-rusman@ya.ru

Аннотация. Возможность повторного заявления ходатайства о прекращении уголовного дела, уголовного преследования до сих пор не регламентирована законодателем. Данный факт порождает отказы в удовлетворении судом, в том числе со ссылкой на принцип правовой определенности. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что в каждой процессуальной ситуации по конкретному уголовному делу необходим индивидуальный подход субъекта, принимающего решение, стороны же вправе неоднократно заявлять соответствующие ходатайства в ходе уголовного судопроизводства, тем самым реализуя свои процессуальные полномочия в рамках диспозитивности и принципа состязательности сторон.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, освобождение от уголовной ответственности, заявление ходатайства, принцип правовой определенности, публичная функция государства, судебный штраф, примирение сторон

Для цитирования: Русман Г. С. О допустимости повторного заявления ходатайства о прекращении уголовного дела, уголовного преследования // На страже закона. 2024. № 2. С. 5–9.

Original article

On the Admissibility of a Repeated Petition for the Termination of a Criminal Case, Criminal Prosecution

Rusman Galina S.
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, galina-rusman@ya.ru

Abstract. The possibility of re-feeling a petition for the termination of a criminal case, criminal prosecution has not yet been settled by the legislator. This fact gives rise to refusals

© Русман Г.С., 2024

to satisfy repeated petitions by the court, including with reference to the principle of legal certainty. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that in each procedural situation in a particular criminal case, an individual approach of the decision-making entity is necessary, and the parties have the right to repeatedly submit relevant petitions during criminal proceedings, thereby exercising their procedural powers within the framework of dispositivity and the principle of adversarial parties.

Keywords: termination of a criminal case, exemption from criminal liability, application of a petition, principle of legal certainty, public function of the state, judicial fine, reconciliation of the parties

For citation: Rusman G. S. On the Admissibility of a Repeated Petition for the Termination of a Criminal Case, Criminal Prosecution // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 5–9.

Одной из проблем реализации института освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, не имеющей четкого законодательного регулирования, является допустимость повторного заявления ходатайств о прекращении уголовного дела.

Анализ правоприменительной практики выявил массу примеров, когда сторонами неоднократно инициируется вопрос о прекращении уголовного дела, а в удовлетворении соответствующих ходатайств им отказывается.

Примечательно, что суды порой не находят оснований к удовлетворению ходатайств следователей или стороны защиты о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, ссылаясь на то, что ранее судом уже принималось решение об отказе в его удовлетворении, а принятие судом иного решения противоречит принципу правовой определенности¹.

Вопрос о принципе правовой определенности как одном из правовых условий решения вопроса о прекращении уголовного дела и освобождении от уголовной ответственности вызывает сомнения.

Обозначенный принцип, широко используемый в судебной практике, в том числе в практике Конституционного Суда Российской Федерации, не имеет законодательного закрепления и соответствующей дефиниции в рамках национальной системы права.

В науке назначение правовой определенности видится в обеспечении стабильности и безопасности функционирования личности, гражданского общества и правового государ-

ства через стабильность изначально определенного статуса участников правовых отношений, неколлизионность динамики указанных отношений, ясность и стабильность актов применения права [1, с. 30].

Содержание принципа правовой определенности понимается как система следующих элементов: 1) стабильность правового регулирования; 2) осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также правоприменительных решений, затрагивающих его права и законные интересы; 3) ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений; 4) единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики); 5) стабильность правоприменительных решений; 6) исполнимость судебных решений [2, с. 12–13].

Специфика процессуальных отраслей права заключается в том, что результатом регламентируемой ими деятельности (судопроизводства) выступает принятие актов применения права, которые подобно нормам права служат регуляторами общественных отношений, только единичных, конкретных. Соответственно, как и иные правовые регуляторы, правоприменительные решения тоже должны быть стабильными, ясными, недвусмысленными и непротиворечивыми [3, с. 357].

В судебной практике и юридической литературе принцип правовой определенности связывается с требованием стабильности окончательных судебных решений (именно в этом контексте в основном встречаются ссылки высших судебных органов на данный принцип). Учеными-процессуалистами предлагается требования данного принципа распространять и на другие завершающие уголовный процесс решения, в том числе, вынесенные в досудеб-

¹ Например: Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 26 февраля 2018 г. по уголовному делу № 22-1020/2018 // URL: <https://kraevoy--stv.sudrf.ru>.

ных стадиях. Так, И. С. Дикарев пишет, что нельзя признать соответствующей принципу правовой определенности практику неоднократной отмены выносимых в ходе досудебного производства по уголовному делу постановлений органов предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела [2, с. 33–34].

Конституционный Суд РФ, ссылаясь на ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указывает, что справедливое правосудие, осуществляемое независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, также предполагает обязательность и исполнимость судебных решений, что связано с требованием правовой определенности¹.

Верховный Суд РФ понимает принцип правовой определенности как стабильность окончательных судебных решений и недопустимость их пересмотра, в том числе в порядке возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, при отсутствии таких нарушений закона, которые повлияли на исход уголовного дела, то есть на правильность его разрешения по существу².

Представляется, что вопросы прекращения уголовного дела и освобождения от уголовной ответственности не находятся в статике, и по мере развития и динамики уголовно-процессуальных правоотношений могут возникать неоднократно, что обусловлено как переходом от одной стадии процесса к другой (от досудебной к судебной, например), так и изменением фактических и юридических обстоятельств по делу. Имеется в виду, что до установления размера причиненного потерпевшему ущерба невозможно решить вопрос о его возмещении, равно как и вопрос о заглаживании вреда или примирении сторон, поскольку данные обстоятельства могут произойти по истечении не-

которого периода времени. Кроме того, исходя из усилий обвиняемого и отношения к произошедшему потерпевшего, могут видоизменяться формы заглаживания или возмещения вреда.

Вполне логично и естественно, на наш взгляд, что вопрос о прекращении уголовного дела при наличии к этому минимальных правовых условий, таких как достоверно установленная категория совершенного преступления (небольшой или средней тяжести) и статус обвиняемого как лица, впервые привлекаемого к уголовной ответственности, может неоднократно возникать в ходе уголовного судопроизводства по делу.

Подобная неоднократность детерминирована самой динамичностью уголовного процесса в целом и трансформацией уголовно-процессуальных отношений в частности.

Думается, что в случае, если в досудебной стадии судом отказано в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, то это не исключает в последующем права сторон на повторное заявление аналогичного ходатайства, но уже в стадии судебного разбирательства по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением. Равно как и не исключает права сторон на заявление как в досудебной стадии, так и в ходе судебного разбирательства по этому же уголовному делу ходатайства о прекращении по такому основанию, как примирением сторон в случае его фактического и правового свершения.

В этой связи следует полагать необоснованным распространение принципа правовой определенности судебного акта (а равно и процессуального решения должностного лица) к данным процессуальным ситуациям, поскольку условия и основания для освобождения от уголовной ответственности находятся в динамике. Соответственно, в случае, если в начале предварительного расследования примирения у сторон еще не произошло, то это не исключает перспективу появления такой процессуальной возможности в последующем (как на досудебном этапе, так и в рамках судебного разбирательства).

В противном случае мы можем оказаться в парадоксальном положении, когда, единожды разрешив вопрос о прекращении уголовного дела, мы из принципа правовой определенности отказываем сторонам в применении поощрительных форм судопроизводства, тогда как любое рассмотрение ходатайства о прекра-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» // URL: <https://www.consultant.ru>.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 марта 2022 г. № 3П22. Требование: О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств. Решение: В удовлетворении требования отказано, поскольку не установлено нарушений закона, которые повлияли на исход уголовного дела, то есть на правильность его разрешения по существу // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-16032022-n-3p22>.

щении по какому-либо основанию не является окончательным решением по уголовному делу.

Любое процессуальное решение, будь то постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или постановление суда о таком же, не является итоговым решением по уголовному делу, а носит характер промежуточного. Более того, если допустить удовлетворение ходатайства, например, о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, его неуплата в силу закона является основанием для возобновления производства по уголовному делу.

В этой связи полагаем, что стороны не лишены права неоднократно заявлять ходатайства о прекращении уголовного дела в ходе всего уголовного судопроизводства. Такое право вытекает из диспозитивности, а также из права на судебную защиту своих прав.

Иное понимание данной проблемы, как представляется, может завести в процессуальный тупик, при котором следователь или суд, единожды рассмотрев заявленное ходатайство о прекращении уголовного дела, в последующем при повторном его заявлении (по иному основанию или ввиду измененных фактических обстоятельств) могут указывать на то, что стороны не были лишены права на обжалование в вышестоящие судебные инстанции принятого первого решения по аналогичному ходатайству.

Возникает вопрос, обязана ли сторона обжаловать принятое первоначальное решение, которым отказано в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела, если на момент повторного его заявления об альтернативном способе разрешения уголовного дела сторонами приводятся иные основания, указываются другие обстоятельства и представляются соответствующие доказательства? Полагаем, что нет, поскольку сторона не обязана исчерпать все процессуальные возможности и права, предусмотренные законом, а вправе выбрать тот способ защиты, который считает целесообразным и эффективным в данный момент. Это привилегия сторон – обжаловать ли до надзорной инстанции «отказное» постановление или при изменении условий и обстоятельств по делу (например, в силу состоявшегося прощения и примирения сторон) заявить новое ходатайство.

Единообразия судебной практики как элемент принципа правовой определенности действует в тесной связи с принципом дифферен-

циации уголовной ответственности, который в рамках института прекращения уголовного дела понимается как требование индивидуального подхода к обстоятельствам конкретного уголовного дела. Следовательно, в каждой процессуальной ситуации по конкретному уголовному делу необходим и соответствующий «частный» подход субъекта, принимающего решение.

Поэтому недопустимо ссылаться на принцип правовой определенности в случае, когда стороны, реализовав однажды свое право на заявление ходатайств, получают отказ в удовлетворении нового ходатайства со ссылкой на ранее принятое по первоначальному ходатайству решение.

Возможное принятие судами по неоднократно заявленным ходатайствам о прекращении уголовного дела (как по разным основаниям, так и в виду изменившихся фактических обстоятельств) процессуальных решений, противоречащих друг другу (отказ в одном случае и удовлетворение требований сторон в другом), не свидетельствует о нарушении принципа правовой определенности или единообразия судебной практики именно ввиду обозначенных выше условий.

Другое видение искажает принцип свободной оценки доказательств, а также влечет за собой некое преюдициальное отношение к ранее принятому решению по аналогичному ходатайству. В первом случае суд, ссылаясь при рассмотрении нового ходатайства на ранее принятое по аналогичному заявлению решение, должным образом не исследует и не дает оценки предоставляемым в подтверждение волеизъявления доказательствам, таким как расписки, выписки по банковскому счету, показания потерпевшего о состоявшемся примирении или заглаживании вреда и возмещении ущерба. Во втором – речь идет об отношении суда при рассмотрении нового ходатайства к предыдущему решению по схожему вопросу о прекращении уголовного дела как к преюдициальному акту в рамках понимания ст. 90 УПК РФ, так и как одного из элементов принципа правовой определенности.

Полагаем, что стороны вправе неоднократно заявлять ходатайство о прекращении уголовного дела, а субъект, принимающие решение, обязан его рассматривать согласно действию принципов состязательности, диспозитивности, объективности и всесторонности судебного разбирательства, принимая по каждому факту законное и обоснованное решение, которое стороны вправе обжаловать,

равно как и повторно инициировать вопрос о прекращении уголовного дела в последующем.

Напомним, что в силу положений гл. 15 УПК РФ участники процесса вправе заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации (ст. 119 УПК РФ).

Законодатель в ст. 120 УПК РФ закрепил, что ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу. В письменной форме оно приобщается к материалам уголовного дела, в устной – заносится в соответствующий протокол. Отклонение ходатайства не лишает заявителя права на повторное заявление.

Как известно, непрофессиональные участники процесса, равно как и защитник обвиняемого, имеют весьма ограниченный перечень процессуальных инструментов, позволяющих им реализовывать свои права и отстаивать собственные интересы в рамках уголовного судопроизводства. В этой связи следует признать, что законодатель, закрепив право на повторное заявление ходатайств, тем самым стабилизирует баланс между беспрепятственной судебной защитой прав участников процесса и процессуальным равноправием сторон.

Как видно из действующего правового регулирования института прекращения уголовного дела, законодатель ни в рамках процессуального кодекса, ни в рамках уголовного закона не установил каких-либо ограничений для участников процесса в части заявления ходатайств о прекращении уголовного дела ни по временному критерию (допускается заявление ходатайств в любой стадии уголовного судопроизводства по делу), ни по количественному (допускается неоднократное заявление ходатайств), ни по субъектному признаку (инициировать вопрос о прекращении уголовного дела может как представитель стороны обвинения, так и стороны защиты).

Таким образом, реализация публичной функции государства при разрешении ходатайств о прекращении уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности свидетельствует, что стороны вправе неоднократно заявлять соответствующие ходатайства в ходе уголовного судопроизводства по делу, тем самым исполняя свои процессуальные полномочия в рамках диспозитивности и принципа состязательности сторон, направ-

ленных на разрешение уголовного дела одним из наиболее рациональных способов.

Библиографический список

1. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 67 с.
2. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. 173 с.
3. Дикарев И. С. Значение принципа правовой определенности для построения процессуальной формы пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам // Принципы уголовного судопроизводства и их реализация при производстве по уголовным делам: материалы IV Международ. науч.-практ. конференции 5–6 апреля 2016 г. (г. Москва). М.: РГУП, 2016. С. 356–362.

References

1. Sidorenko M. V. Legal certainty of the Russian criminal procedure law: abstract of the dis. ... dr. legal sciences. M., 2019. 67 p.
2. Dikarev I. S. The principle of legal certainty and the legal force of a court decision in criminal proceedings: monograph. Volgograd, 2015. 173 p.
3. Dikarev I. S. The importance of the principle of legal certainty for the construction of the procedural form of revision of court decisions that have entered into force in criminal cases // Principles of criminal proceedings and their implementation in criminal proceedings: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference on April 5-6, 2016 (Moscow). M., 2016. Pp. 356–362.

Информация об авторе

Русман Галина Сергеевна – доктор юридических наук, доцент

Information about the author

Rusman Galina S. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

Научная статья

УДК 343.119.6, 343.121.5, 343.137.5, 343.137.9

Социальная обусловленность особых производств в российском уголовном процессе

Стельмах Владимир Юрьевич

**Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, vstelmah@mail.ru**

Аннотация. В статье анализируется социальная обусловленность производств по делам несовершеннолетних, невменяемых, лиц, наделенных иммунитетом от уголовного преследования, и субъектов, занимающихся предпринимательской деятельностью. Делается вывод о том, что дифференциация процессуальной формы в сторону усложнения не является личной привилегией и обусловлена либо повышенной зависимостью субъекта, либо необходимостью обеспечения эффективности осуществляемой субъектом общественно полезной деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальная форма, единство процессуальной формы, дифференциация процессуальной формы, особое производство, несовершеннолетние, принудительные меры медицинского характера, публично-правовая деятельность, предпринимательская деятельность

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Социальная обусловленность особых производств в российском уголовном процессе // На страже закона. 2024. № 2. С. 10–14.

Original article

The social conditionality of special proceedings in the Russian criminal process

Stelmakh Vladimir Yu.

**Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
vstelmah@mail.ru**

Abstract. The article analyzes the social conditionality of proceedings in cases of minors, the insane, persons endowed with immunity from criminal prosecution and entities engaged in entrepreneurial activities. It is concluded that the differentiation of the procedural form towards complication is not a personal privilege and is due either to the increased dependence of the subject, or the need to ensure the effectiveness of socially useful activities carried out by the subject.

Keywords: criminal proceedings, procedural form, unity of procedural form, differentiation of procedural form, special proceedings, minors, compulsory medical measures, public law activity, entrepreneurial activity

---

© Стельмах В.Ю., 2024

For citation: Stelmakh V. Yu. The social conditionality of special proceedings in the Russian criminal process // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 10–14.

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации характеризуется единством процессуальной формы. Это означает, что по всем уголовным делам, независимо ни от степени тяжести и характера преступления, ни от личности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, применяется один и тот же процессуальный порядок, в том числе проведение следственных действий, избрание мер принуждения, принятие промежуточных и итоговых решений по делу.

Единство процессуальной формы выходит за чисто отраслевые рамки и выполняет важную социальную роль. Во-первых, таким образом достигается равенство прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Во-вторых, сводится к минимуму субъективное усмотрение должностных лиц, осуществляющих производство по делу и наделенных для этого государственно-властными полномочиями.

Вместе с тем единство процессуальной формы диалектически дополняется ее дифференциацией. Это, в частности, означает, что в отношении отдельных категорий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, законодательно установлены существенные особенности производства по уголовному делу. В настоящий момент соответствующие особенности предусмотрены для несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ), лиц, страдающих психическими заболеваниями и в силу их наличия признаваемых невменяемыми (гл. 51 УПК РФ), субъектов, выполняющих некоторые виды публично-правовой деятельности (депутатов, судей и т. п.) (гл. 52 УПК РФ). Кроме того, несмотря на отсутствие в УПК РФ отдельной главы, вполне уместно утверждать о наличии особого порядка производства по уголовным делам в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Некоторыми авторами утверждается, что особое производство всегда вторично по отношению к так называемому основному, поскольку существует в его рамках и направлено на выяснение специфических вопросов [1, с. 30–31]. Однако с таким утверждением весьма сложно согласиться. Особое производство не разделяется от основного, а сливается с ним. При обнаружении и документальном процессуальном закреплении особенностей субъекта, причастного к совершению общественно

опасного деяния, все производство по делу становится особым, а не какая-то его часть. Никакого «дела в деле» не появляется. В частности, по делу учитываются сроки с момента возбуждения дела, продолжают действовать избранные меры процессуального принуждения. Следователь обязан установить в рамках единого производства по делу все обстоятельства, перечисленные как в ст. 73 УПК РФ (общий предмет доказывания), так в ст. 421 и 434 УПК РФ (особые предметы доказывания). Некоторую, и весьма существенную, специфику по делам о применении принудительных мер медицинского характера имеет трансформация статуса лица, причастного к совершению общественно опасного деяния. Однако это связано исключительно с природой невменяемости, не совместимой с привлечением лица к уголовной ответственности за содеянное. Примечательно, что статусы остальных участников процесса, в том числе потерпевшего, сохраняются без изменений. Если происходит выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего или невменяемого, то расследование в полном объеме осуществляется с учетом особенностей, закрепленных в гл. 50 и 51 УПК РФ.

Следует учитывать, что законодатель предусматривает особый порядок производства по делу исключительно в случаях, когда соответствующие категории лиц привлекаются к уголовной ответственности. Если же они являются потерпевшими и свидетелями, в УПК РФ устанавливаются только отдельные особенности проведения с ними процессуальных действий, а в целом по делу применяется общий порядок производства.

Важно уяснить, в чем причина законодательного установления особенностей производства по уголовным делам в отношении тех или иных категорий граждан, и в чем состоят сами особенности. Сразу следует уточнить, что особенности не затрагивают базовых положений уголовного процесса (принципов судопроизводства, судебного контроля и прокурорского надзора за расследованием, основополагающих прав участников уголовно-процессуальной деятельности, общих начал осуществления правосудия).

Необходимо учитывать, что специфика судопроизводства не должна носить характер личной или корпоративной привилегии, ставящей одну категорию граждан в приоритетное

положение перед остальными в нарушение базового конституционного положения о равенстве всех в Российской Федерации перед законом и судом.

Закрепление в УПК РФ особенностей производства по делу в отношении несовершеннолетних и невменяемых объясняется неспособностью этих субъектов в полной мере защищать свои права и интересы в рамках предварительного расследования и судебного рассмотрения дела [2, с. 131–132]. Несовершеннолетние и невменяемые характеризуются своего рода «процессуальной слабостью» в сравнении с другими обвиняемыми (подозреваемыми).

С одной стороны, требуют более тщательного выяснения значимые обстоятельства совершения общественно опасного деяния (например, влияние на несовершеннолетнего взрослых лиц), факт реального участия субъекта в инкриминируемом деянии, поскольку именно указанные категории граждан наиболее уязвимы для самоговора либо оговора. Также необходимо точно установить факт недостижения лицом совершеннолетнего возраста или состояния невменяемости. Именно поэтому уголовно-процессуальный закон предусматривает обязательность точного установления возраста лица (в том числе путем проведения судебной экспертизы при отсутствии официальных документов) и производства судебно-психиатрической экспертизы для констатации психического заболевания и состояния невменяемости [3, с. 10; 4, с. 128].

С другой стороны, закон учитывает значительные сложности самостоятельного отстаивания названными субъектами принадлежащих им в рамках уголовного судопроизводства прав, что преодолевается обязательным участием защитника, отказ от которого в принципе невозможен, и законного представителя, действующего одновременно и наряду с защитником [5, с. 142–143; 6, с. 204; 7, с. 298–299].

Что касается лиц, указанных в ст. 447–448 УПК РФ, то говорить об их процессуальной «слабости» не приходится. Напротив, это субъекты в силу своего должностного положения, как правило, имеют более высокий социальный статус и дополнительные возможности для защиты своих интересов. Законодательное установление особенностей уголовного производства в отношении данных лиц вызывается не желанием добиться от органов расследования и суда защиты их прав, а интересами той деятельности, которую названные субъекты осуществляют [8, с. 61–62]. При нормативном

закреплении особенностей судопроизводства законодатель прежде всего стремится обеспечить эффективное и беспрепятственное выполнение соответствующими субъектами своих обязанностей, представляющих значительную социальную ценность (независимое функционирование представительных органов государственной власти, осуществление правосудия, предварительного расследования и защиты, оказание гражданам квалифицированной юридической помощи и т. п.).

Несмотря на достаточное количество институтов, гарантирующих организованное и бесперебойное осуществление отмеченных функций, и должное качество функционирования этих институтов, законодатель вводит дополнительные гарантии сугубо отраслевого характера, что и проявляется в нормативном закреплении особенностей уголовного судопроизводства.

Важно подчеркнуть, что указанные особенности, установленные для определенных в гл. 52 УПК РФ субъектов, не связаны с затруднениями получения доказательственной информации. Это правильно, поскольку гарантии обеспечения прав граждан не могут заключаться в создании препятствий для доступа к сведениям о конкретных фактах, имеющим доказательственное значение. Иными словами, защищать интересы лиц можно и нужно путем опровержением доводов органов предварительного расследования, а не через вынесение для этих органов запретов на получение значимой информации.

Дополнительные правовые гарантии для лиц, осуществляющих определенные виды публично-правовой деятельности, в основном связаны с получением согласия на принятие ключевых процессуальных решений (возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, задержание по подозрению в совершении преступления, избрание меры пресечения, направление уголовного дела в суд для рассмотрения по существу) от органов, представляющих профессиональное сообщество, к которому принадлежит привлекаемое к уголовной ответственности лицо. Данные порядки могут показаться архаичными с учетом независимости судебной власти, подконтрольности и поднадзорности органов предварительного расследования, чего не было несколько веков назад, когда только зарождались традиции иммунитетов от уголовного преследования. Однако сохранение этих порядков в настоящее время, очевидно, имеет прежде всего социальную ценность, поскольку

подчеркивает значимость соответствующего сообщества, в том числе и для потребностей сугубо отраслевого (уголовно-процессуально-го) характера.

Анализируя комплекс особенностей уголовного судопроизводства в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, требуется подчеркнуть, что их установление обусловливается прежде всего необходимостью ограждения данного вида деятельности от незаконного вмешательства. Конечно, в идеале, при условии безукоризненного выполнения своих прямых обязанностей органами предварительного расследования, прокуратуры и суда законодательное закрепление таких особенностей было бы излишним. Однако необходимо учитывать конкретную историческую ситуацию, которая, к сожалению, характеризуется фактами вмешательства в экономическую деятельность по надуманным, а зачастую откровенно корыстным причинам, в том числе с использованием возможностей правоприменительных органов.

Особенности уголовного судопроизводства призваны оградить не лично предпринимателей, а прежде всего выполняемую ими деятельность, связанную с созданием прибавочного продукта, рабочих мест, повышением уровня экономического суверенитета Российской Федерации. Особенности предусмотрены для возбуждения уголовного дела, избрания меры пресечения, прекращения уголовного преследования (путем установления специфических оснований принятия этого решения, характерного только для соответствующей категории уголовных дел). Несмотря на то, что особенности судопроизводства не обособлены в отдельную главу УПК РФ, их совокупность позволяет констатировать наличие отдельного порядка уголовно-процессуальной деятельности в отношении отмеченной категории субъектов.

Элементы особого порядка судопроизводства усматриваются в отношении военнослужащих, что в первую очередь связано со спецификой функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе в условиях мобилизации, военного времени или объявленного военного положения. В настоящий момент таковыми особенностями являются существование специальной меры пресечения (наблюдение командования воинской части), обязательность сообщения командованию воинской части о задержании военнослужащего по подозрению в совершении преступления, особые основания приостановления предварительного расследования (п. 3.1 ч. 1 ст. 208

УПК РФ) и прекращения уголовного дела (ст. 28.2 УПК РФ). Особенности судопроизводства в отношении военнослужащих носят «точечный» характер, затрагивая наиболее чувствительные аспекты деятельности воинских формирований, для которых характерны и необходимы централизация управления и жесткая иерархия. Необходимо обратить внимание на то, что в условиях мобилизации или военного времени однозначный приоритет отдается комплектованию Вооруженных Сил. Так, если применительно к призыву для прохождения срочной военной службы привлечение к уголовной ответственности выступает обстоятельством, препятствующим призыву, то для мобилизационного призыва подобных ограничений нет, напротив, предусмотрена возможность приостановления производства по уголовному делу, если обвиняемым (подозреваемым) выступает мобилизованный военнослужащий.

Таким образом, дифференциация порядков уголовного судопроизводства в зависимости от личностных характеристик лица, привлекаемого к уголовной ответственности, обусловлена социальными причинами – потребностью в повышенной защите лиц, наиболее уязвимых в плане самостоятельного отстаивания своих прав и интересов либо необходимостью обеспечить максимально эффективное функционирование общественно полезных направлений деятельности. Соответственно, законодательно устанавливаемые особенности не должны носить характер личной привилегии, а обеспечивать реализацию отмеченных социально-полезных целей.

Библиографический список

1. Татьяна Л. Г. Начало производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 25–31.
2. Колмаков П. О законных интересах лица, к которому применяются принудительные меры медицинского характера // Уголовное право. 2006. № 2. С. 131–134.
3. Бабкин Л. М., Булатецкий С. В. О некоторых вопросах досудебного производства по уголовным делам, связанным с применением принудительных мер медицинского характера // Международный вестник медицины и права. 2018. Т. 1. № 1. С. 8–11.
4. Огнерубов Н. А. Доктринальные подходы к сущности принудительных мер медицинского характера в контексте соотношения право-

вых и медицинских критериев // Социально-политические науки. 2019. № 1. С. 128–130.

5. Глушков А. И. Законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном процессе России // Вестник Академии. 2015. № 3. С. 142–145.

6. Назарчук А. Г. Роль и участие законных представителей несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) в уголовном процессе // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 201–205.

7. Щендригин Е. Н. О некоторых особенностях правоприменения в процессе производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования // 2019. Т. 2. № 1 (1). С. 298–302.

8. Латыпов Т. Р. О применении положений гл. 52 УПК РФ при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 59–65.

8. Latypov T. R. On the application of the provisions of Chapter. 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation when initiating criminal cases against certain categories of persons // Journal of Russian Law. 2010. No. 8. Pp. 59–65.

Информация об авторе

Стельмах Владимир Юрьевич – доктор юридических наук, доцент

Information about the author

Stelmakh Vladimir Yu. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

References

1. Tatyana L.G. Beginning of proceedings on the use of compulsory measures of a medical nature in criminal proceedings // Judicial power and criminal proceedings. 2022. No. 1. Pp. 25–31.

2. Kolmakov P. On the legitimate interests of a person to whom compulsory medical measures are applied // Criminal law. 2006. No. 2. Pp. 131–134.

3. Babkin L. M., Bulatetsky S. V. On some issues of pre-trial proceedings in criminal cases related to the use of compulsory medical measures // International Bulletin of Medicine and Law. 2018. T. 1. No. 1. Pp. 8–11.

4. Ognerubov N. A. Doctrinal approaches to the essence of compulsory measures of a medical nature in the context of the relationship between legal and medical criteria // Socio-political sciences. 2019. No. 1. Pp. 128–130.

5. Glushkov A.I. Legal representative of a minor accused in criminal proceedings in Russia // Bulletin of the Academy. 2015. No. 3. Pp. 142–145.

6. Nazarchuk A. G. The role and participation of legal representatives of minor suspects (accused) in criminal proceedings // Society and Law. 2009. No. 2 (24). Pp. 201–205.

7. Shchendrigin E. N. On some features of law enforcement in the process of criminal proceedings against minors // Modern criminal procedural law - lessons from history and problems of further reform // 2019. Vol. 2. No. 1 (1). Pp. 298–302.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Научная статья
УДК 343.98

Программа исследования механизма доказывания преступной деятельности

Афанасьев Алексей Юрьевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
afanasev_alexey@bk.ru

Аннотация. В рамках статьи рассматривается часть методологического сценария исследования механизма доказывания преступной деятельности. Автором предлагается его организация по элементам, фазам, этапам и стадиям. Подобный подход позволяет выстроить и использовать эффективную программу вскрытия механизма доказывания.

Ключевые слова: механизм доказывания, методология, программа исследования, преступная деятельность

Для цитирования: Афанасьев А. Ю. Программа исследования механизма доказывания преступной деятельности // На страже закона. 2024. № 2. С. 15–19.

Original article

Criminal Evidence Mechanism Research Programme

Afanasyev Alexey Yu.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny
Novgorod, Russia, afanasev_alexey@bk.ru

Abstract. Within the framework of the article, part of the methodological scenario of the study of the mechanism for proving criminal activity is considered. The author proposes the organization of the study by elements, phases, stages and stages. This approach allows you to build and use an effective program for opening the evidence mechanism.

Keywords: evidence mechanism, methodology, research program, criminal activity

For citation: Afanasyev A. Yu. Criminal Evidence Mechanism Research Programme // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 15–19.

© Афанасьев А.Ю., 2024

Когда речь идет об исследовательской программе или, более правильно, о программе исследования, разумеется, нами не проводится отождествление с научно-исследовательскими программами И. Лакатоса, хотя эти связи проследить вполне реально. Так, его исследовательская программа «...включает в себя конвенционально принятое... "жесткое ядро" и "позитивную эвристику", которая определяет проблемы исследования, выделяет защитный пояс вспомогательных гипотез, предвидит аномалии и победоносно превращает их в подтверждающие примеры – все это в соответствии с заранее разработанным планом» [1, с. 217–218].

Предлагаемая нами программа исследования также может включать указанные компоненты и представлять собой по сути такой же «...рассказ о том, как, маневрируя "негативной" и "позитивной" эвристикой, то есть творческим потенциалом программы, исследователи то защищают ее "жесткое ядро"...», то безоглядно устремляются вперед, оставляя за спиной неразрешенные эмпирические проблемы...» [1, с. 21]. Однако нами понятие «программа исследования» будет сводиться, прежде всего, к определенной модели методологии исследования, включающей в себя взаимосвязанные и взаимозависимые элементы. Такая модель будет представлять собой вариант применения основных положений разработанной в науке криминалистики методологии относительно механизма доказывания преступной деятельности. В этом плане, как отмечает Э. Г. Юдин, «методология науки дает характеристику компонентов научного исследования – его объекта, предмета анализа, задачи исследования (или проблемы), совокупности исследовательских средств, необходимых для решения задачи данного типа, а также формирует представление о последовательности движения исследователя в процессе решения задачи» [2, с. 56]. Отсюда следует, что данная программа может включать в себя такие элементы, как объект, предмет, задачи, средства исследования. Несмотря на то, что подобное элементное представление программы исследования образует ее сердцевину, остаются неучтенными, например, такие ее компоненты, как цель, а также сам процесс исследования. Аналогичный недостаток выявлен и в логической структуре методологии, предложенной А. М. Новиковым и Д. А. Новиковым, где приводились субъект, объект, предмет, формы, средства, методы, результат деятельности [3, с. 25]. Хотя здесь дополнительно обращается внимание на

субъект, формы, методы и результат деятельности, что не может не оказаться полезным для нашей программы.

Именно представление программы исследования через процесс позволяет отразить путь решения проблемы в динамике. Такая практика вполне может быть признана универсальной, поскольку «...в любом исследовании доминируют два подхода: статический – для объяснения элементов; и динамический – для предвидения отношений между ними и дальнейшего развития» [4, с. 17]. Об этом же нам говорит и потенциал методологии.

Объяснение видится в том, что сама методология выступает как момент целостного процесса познания, и ее функцией является организация этого процесса, определение его направления и форм. По этой же причине возникает необходимость поэтапного представления программы исследования для ее организации. Несмотря на то, что Э. Г. Юдин в качестве элемента не выделил процесс исследования, им были представлены характерные точки реализации функции организации – этапы исследования: постановка проблемы; построение и обоснование предмета исследования; построение теории в рамках этого предмета и проверка полученного результата с точки зрения его истинности [2, с. 83–85]. По сути, им была предложена своего рода временная структура программы исследования.

О такой же структуре мы говорили ранее, основываясь на наработках А. М. Новикова и Д. А. Новикова, которые представляли ее в виде фаз, стадий и этапов [3, с. 25]. Так, ими были выделены фаза проектирования (концептуальная стадия: этапы выявления противоречия, формулирования проблемы, определения цели исследования, формирования критериев; стадия построения гипотезы; стадия конструирования исследования; стадия технологической подготовки исследования), технологическая фаза (стадия проведения исследований: теоретический этап и эмпирический этап; стадия оформления результатов), рефлексивная фаза [3, с. 137–138].

Мы при формировании нашей программы будем ориентироваться как на элементную структуру исследовательской деятельности, так и на фазовую, но с определенными корректировками. Например, относительно указанных Э. Г. Юдиным этапов следует добавить, что построению и обоснованию предмета исследования должен предшествовать выбор объекта исследования, в рамках которого и будут выявляться и разрабатываться законо-

мерности. В частности, в современных исследованиях прослеживается основной методологический изъян – небрежное отношение к объекту исследования, к той самой реальной деятельности. Зачастую можно наблюдать, что «восхождение» к научной категории начинается не с «подшвы», а с уже «покоренных высот» абстракций. Подобное «коллекционирование» мнений различных авторов создает не менее опасное состояние. С одной стороны, можно незаметно скатиться в схоластику, с другой – создается иллюзия конструктивного анализа.

Если экстраполировать ранее представленную функциональную и временную структуру на конкретное исследование, то организация будет состоять в следующем: субъект – лицо, обнаружившее научную проблему, задавшись целью ее разрешения, выделяет в ней определенный объект, а уже в объекте – предмет (закономерности объекта), определяет формы, средства и методы изучения избранного предмета и применяет их, а далее получает результат – решение задач и достижение цели научного исследования. По сути, здесь речь идет о фазе проектирования, в которой изначально появляется замысел, далее выявляются противоречия, ставятся проблемы, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цели, выстраивается научная гипотеза, определяются задачи исследования, осуществляется его планирование [3, с. 138], и технологической фазе. Более кратко это выглядит следующим образом: постановка научной проблемы – выдвижение гипотез – применение методов научного познания для проверки гипотез – получение научно-обоснованного результата – применение результата на практике.

Предпримем попытку применения имеющихся сценариев к собственной программе исследования, которая в конечном итоге выстроится в самостоятельный сценарий исследования механизма доказывания преступной деятельности.

Итак, субъект исследовательской деятельности в общем смысле – это и есть исследователь, занимающийся разработками в определенной области знаний, в нашем случае это ученый, проводящий исследование по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Применительно к программе исследования механизма доказывания субъектом выступаем мы. Именно у нас возник замысел на такую разработку, и выявлены противоречия в существующей системе обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, и

деятельности по формированию системы доказательств. И здесь мы подошли к формулированию проблемы.

Постановка проблемы – задача не из легких. От верной и точной формулировки зависит не только правильность определения объекта, предмета исследования и характер применяемых средств, но и результативность всего исследования. Л. А. Микешина полагает, что именно проблемная ситуация выступает как «объективное состояние рассогласования и противоречивости научного знания, возникающее в результате его неполноты и ограниченности» [5, с. 111]. На наш взгляд, проблемные ситуации наиболее отчетливо отражают существующие трудности научного поиска. В этом можно убедиться при анализе имеющегося научного знания, которое со своим уровнем и понятийным аппаратом становится недостаточным для адекватного реагирования на новые реалии теории и практики. Постановка новых научных проблем и есть результат осознания противоречия между ограниченностью имеющегося научного знания и потребностями его дальнейшего развития.

По мнению А. Я. Баскакова «научное исследование не только начинается с выдвижения проблемы, но и постоянно имеет дело с проблемами, так как решение одной из них приводит к возникновению других, которые в свою очередь порождают множество новых проблем» [6, с. 37]. И действительно, у этой бесконечной цепи проблем, как бы это не звучало, нет окончания: малые проблемы порождают большие, большие – малые. Более того Л. Де Бройль считал, что «каждый успех нашего познания ставит больше проблем, чем решает» [7, с. 317]. В ходе практической деятельности в большей степени и обнаруживаются несоответствия в целях и потребностях людей, а также в имеющихся у них средствах, методах и возможностях реализации. Так, например, в уголовном судопроизводстве такого рода противоречия (несстыковки) встречаются постоянно. Похожую картину можно наблюдать при проведении следственных действий, при реализации прав и обязанностей участников уголовного процесса, при соблюдении процессуальных сроков и т. д.

В нашем случае словосочетание «механизм доказывания преступной деятельности» уже звучит как проблема. В первую очередь следует понять, с чем мы имеем дело. Однако при всем этом исходные предпосылки располагаются не в самой интерпретации, а в системных огрехах уголовно-процессуальной деятельно-

сти при формировании системы доказательств, в частности, при реализации функции доказывания и функции принятия решения. Упущения нам видятся в несовершенном представлении предмета уголовно-процессуального доказывания – системы обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Имеющаяся судебно-следственная практика давно указала на то, что различные категории преступлений предусматривают различный предмет доказывания. На это обращает внимание и наука уголовного процесса. Так, Е. Н. Петухов при исследовании особенностей досудебного производства по уголовным делам, связанным с преступлениями в финансово-кредитной сфере, приблизился к крайне значимой закономерности: у каждого преступления имеется своя уголовно-процессуальная характеристика, предполагающая свои обстоятельства, подлежащие доказыванию [8, с. 78].

Однако законодатель на эти и другие предложения никак не реагирует, аргументируя это универсальностью системы обстоятельств, подлежащих установлению. Но это не так. Разве могут быть идентичные механизмы преступной деятельности? Вряд ли. Следовательно, не может быть и одинаковых механизмов доказывания по уголовному делу. Каждый случай индивидуален. Разумеется, есть и общности. Установив общий механизм уголовно-процессуального доказывания, можно говорить о частностях. Понять функционирование уголовно-процессуального доказывания можно исключительно через его закономерности, но их никто особо и не выявлял, и не разрабатывал. В этом и есть сложность, в этом и есть ключевая проблема исследования механизма уголовно-процессуального доказывания. Проблемно, рефлексируя саму уголовно-процессуальную деятельность по доказыванию и исследовательскую деятельность в этой области, создать методологический комплекс, позволяющий выявлять и разрабатывать закономерности уголовно-процессуального доказывания через его механизм.

В нашем случае объектом исследования выступает уголовно-процессуальная деятельность по формированию системы доказательств по уголовному делу, предметом – закономерности построения, последующего анализа и экспериментальной проверки модели механизма уголовно-процессуального доказывания:

1) теоретико-методологические закономерности создания модели механизма уголовно-процессуального доказывания;

2) методологические закономерности исследования этой модели;

3) закономерности свойств и отношений элементов самой модели.

Следующим элементом программы исследования выступает цель, которая идет за постановкой проблемы и по большому счету связана с ее разрешением. Любая проблема, если мы намереемся ее решить, предполагает формулирование цели. Иными словами, цель исследования должна заключаться в устранении противоречия между имеющимися знаниями и незнанием. Применительно к исследованию механизма доказывания такой целью может стать создание и применение реализуемой и универсальной программы выявления объективных закономерностей механизма доказывания преступной деятельности. В конечном итоге, достижение данной цели позволит совершенствовать, оптимизировать и рационализировать деятельность по доказыванию.

Для достижения указанной цели должны быть установлены не менее конкретные исследовательские задачи. Традиционно именно через их решение реализуется намеченное и, следовательно, находится выход из проблемной ситуации. По мнению Э. Г. Юдина, «наличие реальной и достаточно строго зафиксированной исследовательской задачи в современной науке является чрезвычайно важным критерием для оценки обоснованности той или иной программы исследования» [2, с. 75]. С другой стороны, может наблюдаться иная картина, когда проблема определяет задачи исследования. Именно в рамках обозначенной проблемы и выстраиваются отдельные области, предполагающие постановку соответствующих задач.

С учетом обозначенных условий, обстоятельств и правил в рамках нашей программы можно обнаружить потенциал как для общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, конкретизация, моделирование, функциональный и системный подход и др.), так и для частнонаучных (сравнительно-правовой, юридико-технический, статистический, социологический и т. д.) методов. Методические обобщения возможны при наличии соответствующего материала, пригодного для изучения и использования, наличие которого в действительности является редкостью. Преодолеть затруднения можно за счет применения прогностических методов, например, за счет метода экспертных оценок. Однако зачастую эмпирические данные представляют собой хаотическую статистику, где нельзя отследить каких-либо явных тенденций. В подобной ме-

тодологической ситуации возможно применение методов кластерного, корреляционного и факторного анализа. Использование математических методов многомерного статистического анализа позволяет выявить закономерные связи между, на первый взгляд, не связанными явлениями. В нашем случае это связи между предметом доказывания и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, между обстоятельствами, подлежащими доказыванию, и средствами доказывания и т. д. В результате должны быть выявлены и разработаны закономерности уголовно-процессуального доказывания, которые позволят понять организацию доказывания по уголовному делу, то есть механизм.

Не менее важным в программе исследования выступает планирование, которое представляет собой синтез функциональной и временной структуры. Именно в плане исследования аккумулируются одновременно и элементы программы, и этапы исследования. Традиционно логика плана выстраивается в зависимости от задач, требующих разрешения. Нами относительно методологии уголовно-процессуального исследования механизма доказывания по уголовному делу была принята такая практика формирования плана, а также были учтены изученные фазы, стадии и этапы исследовательской деятельности.

Библиографический список

1. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 475 с.
2. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.
3. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с.
4. Конт О. Дух позитивной философии // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. М., 1994. С. 5–25.
5. Микешина Л. А. Проблема как форма научного познания // Диалектический материализм и философские проблемы естествознания: сборник трудов. М., 1982.
6. Баскаков А. Я., Туленков Н. В. Методология научного исследования: учеб. пособие. 2-е изд., испр. К.: МАУП, 2004. 215 с.
7. Бройль Луи де. По тропам науки. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 408 с.
8. Петухов Е. Н. Досудебное производство по уголовным делам, связанным с преступле-

ниями в финансово-кредитной сфере: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2003. 105 с.

References

1. Lakatos I. Selected works on the philosophy and methodology of science / per. with English I. N. Veselovsky, A. L. Nikiforova, V. N. Porus. M.: Academic Project; Trixta, 2008. 475 p.
2. Yudin E. G. Methodology of Science. Systemness. Activities. M.: Editorial URSS, 1997. 444 p.
3. Novikov A. M., Novikov D. A. Methodology. M.: SINTEG, 2007. 668 p.
4. Comte O. Spirit of positive philosophy // Texts on the history of sociology of the XIX-XX centuries. M., 1994. Pp. 5–25.
5. Mikeshina L. A. The problem as a form of scientific knowledge // Dialectical materialism and philosophical problems of natural science: a collection of works. M., 1982.
6. Baskakov A. Ya., Tulenkov N. V. Research methodology: Tutorial. 2nd ed., Rev. K.: IAPM, 2004. 215 p.
7. Broglie Louis de. Along the paths of science. M.: Foreign Publishing House liters, 1962. 408 p.
8. Petukhov E. N. Pre-trial proceedings in criminal cases related to crimes in the financial and credit sphere: monograph. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 105 p.

Информация об авторе

Афанасьев Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Afanasyev Alexey Yu. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 21.05.2024

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 343.98

Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничеств с использованием Пушкинских карт

Ржанникова Светлана Сергеевна¹, Липин Семен Алексеевич²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург,
Россия

Автор, ответственный за переписку: Ржанникова Светлана Сергеевна,
ssr80@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности федерального проекта «Пушкинская карта» и предпосылки возникновения нового вида мошенничества, связанного с хищением денежных средств со счетов владельцев Пушкинских карт. Изложены основные элементы состава данного преступления на основе анализа нормативно-правовых актов и иных официальных документов. Раскрыта криминалистическая характеристика изучаемых мошенничеств с учетом следственной и судебной практики.

Ключевые слова: Пушкинская карта, мошенничество, следовая картина, элементы состава преступления, сеть Интернет, социальные сети

Для цитирования: Ржанникова С. С., Липин С. А. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничеств с использованием Пушкинских карт // На страже закона. 2024. № 2. С. 20–25.

Original article

Criminal and criminalistic characteristics of frauds using Pushkin's cards

Rzhannikova Svetlana S.¹, Lipin Semyon A.²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia
Corresponding author: Rzhannikova Svetlana S., ssr80@mail.ru

© Ржанникова С.С., Липин С.А., 2024

Abstract. The article examines the features of the federal project “Pushkin Card” and the prerequisites for the emergence of a new type of fraud associated with the theft of funds from the accounts of Pushkin card owners. The main elements of this crime are outlined based on an analysis of regulations and other official documents. The forensic characteristics of the studied frauds are revealed, taking into account investigative and judicial practice..

Keywords: Pushkin’s Card, fraud, trace pattern, the composition of the crime, the Internet, social networks

For citation: Rzhannikova S. S., Lipin S. A. Criminal and criminalistic characteristics of frauds using Pushkin’s Cards // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 20–25.

Государственная политика России в последнее время характеризуется особым вниманием к развитию социально-культурной сферы общественных отношений, разрабатываются и реализуются различные проекты, направленные на повышение уровня благосостояния населения, в том числе путем обогащения культурной и духовной жизни людей. Результатом одной из таких инициатив стало внедрение социального проекта «Пушкинская карта».

«Пушкинская карта» – относительно новая мера социальной поддержки граждан России в возрасте от 14 до 22 лет, введенная 1 сентября 2021 г.¹, это совместный проект Минкультуры, Минцифры и Почта Банка. Данный проект предполагает, что каждый гражданин в возрасте от 14 до 22 лет вправе выпустить предоплачиваемую банковскую карту «Пушкинская карта» с лимитом средств на 2021 г. – 3 тыс. рублей, на 2022–2024 гг. – по 5 тыс. рублей в целях бесплатного (за счет средств федерального бюджета) посещения мероприятий, проводимых организациями культуры и включенных в программу проекта. На сегодняшний день в проекте участвует около 4000 организаций культуры, к посещению доступны кинотеатры, музеи, выставки, театры, филармонии, дома культуры, концертные залы и другие организации².

За первые полтора года действия программы на ее реализацию потрачено более 17 млрд руб, приобретено 32 млн билетов на различные культурные мероприятия. В 2022 г. на Пушкинские карты из федерального бюджета

перечислено свыше 35 млрд руб., в 2023 г. – 40 млрд руб., а количество выпущенных Пушкинских карт в 2023 г. превысило 8 млн [1, с. 209]. Анализируя результаты реализации проекта в Свердловской области только за первый год после его введения, ученые пришли к выводу, что количество купленных билетов по Пушкинской карте увеличилось в 2022 г. по сравнению с 2021 г. на 535 % [2, с. 6].

Высокий уровень финансирования проекта «Пушкинская карта» и относительно простой алгоритм получения услуг предопределили корыстный интерес мошенников к нелегальному выведению денежных средств со счетов владельцев данных карт.

И если на старте действия проекта фиксировались лишь случаи нецелевого использования средств, например, приобретение билетов на мероприятия, которые не включены в перечень доступных для посещения за счет средств карты (концерты современных поп и рэп исполнителей, не способствующие культурному обогащению молодежи России, пропагандирующие ненормативную лексику, употребление алкоголя, табака и наркотических средств) [3, с. 91], то в дальнейшем стали разрабатываться и совершенствоваться схемы обналичивания денежных средств со счетов держателей данных карт.

Таким образом, выпуск и использование Пушкинских карт стали не только способом и возможностью культурного просвещения молодежи, но и объектом преступных посягательств на денежные средства, выделяемые федеральным бюджетом для реализации данного проекта, что отчасти обусловлено его недостатками. К некоторым недостаткам относятся: территориальную дифференциацию (неравномерное распределение культурных благ в крупных населенных пунктах и периферии), отсутствие возможности комбинированного способа оплаты мероприятий, технические

¹ Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2021 г. № 1521 «О социальной поддержке молодежи в возрасте от 14 до 22 лет для повышения доступности организаций культуры» // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

² Пушкинская карта // URL: <https://пушка.рф> (дата обращения: 10.05.2024).

проблемы использования Пушкинской карты, низкий уровень культурного развития населения и ограниченность предлагаемых к посещению мероприятий [4, с. 12–13].

Так, в результате анализа социальной программы с точки зрения предоставления досуга, просматривается существенная ограниченность направлений, по которым организуются культурные мероприятия, вследствие чего у молодых людей не возникает стремления в потенциальном их посещении, а, наоборот, зарождается интерес к получению денежных средств в натуре, которые уже не будут обременены законодательно установленным ограниченным кругом того, на что их можно потратить. О «скудности» предоставляемого досуга можно судить по мероприятиям, указанным в приложении «Культура». В каталоге мероприятий наблюдаются порой специфические сферы досуга: рукоделие, театральные постановки, танцы, пение, кружки по обучению разным навыкам и пр.

Интересы молодежи 21 века достаточно прогрессивны и зачастую не включают в себя желание к посещению данных мероприятий, что позволяет преступному контингенту формировать предложения на оказание незаконных услуг по получению денежных средств с Пушкинских карт.

Государственные органы предпринимают определенные попытки пресечь преступную деятельность мошенников. Так, прокуратурой г. Нижневартовска в результате мониторинга сети Интернет установлены сайты, распространяющие информацию об оказании услуг по продаже и обналичиванию Пушкинских карт, что противоречит целям и задачам действующего законодательства о социальной поддержке граждан Российской Федерации, о чем составлено исковое заявление с требованием признать информацию на данных сайтах запрещенной к распространению на территории РФ. Суд исковые требования удовлетворил¹. Однако масштаб деятельности мошенников значительно больше, чем возможности контролирующих органов, поэтому количество преступлений, направленных на обналичивание денежных средств со счетов владельцев Пушкинских карт, растет, при этом сохраняется высокий уровень их латентности, а ущерб, при-

¹ Решение Нижневартовского городского суда № 2А-6407/2023 2А-6407/2023~М-5635/2023 М-5635/2023 от 18 октября 2023 г. по делу № 2А-6407/2023 // URL: sudact.ru/regular/doc/miktSTYtbPv (дата обращения: 15.05.2024).

чиненный государству, исчисляется десятками и даже сотнями миллионов рублей².

Учитывая, что на сегодняшний день в структуре криминалистической методике отсутствуют рекомендации по расследованию мошенничеств с использованием Пушкинских карт, а уголовно-правовая характеристика данных преступлений нуждается в осмыслении, мы проанализировали уголовно-правовой и криминалистический аспекты указанного вида мошенничества.

Криминальная составляющая заключается в возможности незаконного вывода финансов с карты без предоставления (посещения) культурного мероприятия различными методами, что, по нашему мнению, образует состав преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, при этом, если владелец карты осуществляет ее продажу другим лицам, его действия могут быть квалифицированы по ст. 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5, с. 499].

Анализ ст. 159 Уголовного кодекса РФ и Постановления Пленума Верховного Суда РФ³ позволил сформулировать основные положения уголовно-правовой характеристики рассматриваемых преступлений.

Объектом преступления являются общественные отношения в сфере социальной защиты населения, регулирующие соответствующим Постановлением Правительства. Предметом преступления являются денежные средства, которые предоставляются в виде выплат на основании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

Объективная сторона представлена действием – хищение денежных средств. При этом способ совершения преступления ограничивается обманом в виде предоставления заведомо ложных (либо недостоверных) сведений.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстным мотивом, т. е. внутренним побуждением лица, направленным на извлечение имущественной выгоды

² «Пушкинская карта» не так легла: предпринимателей и студента обвиняют с многомиллионном мошенничестве // Коммерсантъ: сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6534507> (дата обращения: 15.05.2024).

³ Постановление № 48 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

посредством хищения денежных средств со счетов владельцев Пушкинских карт.

Субъектом преступления является лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста 16 лет.

Возникает закономерный вопрос: почему деяния, связанные с незаконным обналичиванием денежных средств с Пушкинской карты, квалифицируются по общей ст. 159 УК РФ «Мошенничество», а не по квалифицированному составу ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат»? Пленум Верховного Суда РФ дал в своем постановлении ответ на данный вопрос в пункте 15: «Не относятся к социальным выплатам по смыслу ст. 159.2 УК РФ гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки... культуры и искусства... Мошенничество при получении указанных выплат квалифицируется по ст. 159 УК РФ». Также это подтверждается практикой правоохранительных органов по расследованию уголовных дел данной направленности.

Таким образом, уголовно-правовая характеристика рассматриваемой группы преступлений имеет важное значение для правильной квалификации совершенного деяния, а возбуждение уголовных дел по фактам мошенничества с использованием Пушкинских карт имеет ряд особенностей и в силу осуществления преступной деятельности преимущественно в цифровом пространстве может быть аналогично особенностям возбуждения уголовных дел по факту мошенничеств с использованием компьютерной информации [6, с. 47].

Механизм совершения преступления характеризуется несколькими способами. Первый способ предназначен для «ловли» потенциальных лиц, которые не используют карту по назначению, путем рекламы «быстрого заработка». С конца 2021 г. данные «объявления» можно было увидеть в определенных группах, каналах таких социальных сетей, как: Tik-Tok, Instagram¹, Telegram, Вконтакте, YouTube. В зависимости от типа социальной сети и формы предоставления контента, можно было встретить такого рода рекламу:

1. В Tik-Tok публиковались ролики, где молодой человек размахивал суммой денег (по всей видимости, выведенных незаконно с Пушкинской карты) и содержались титры примерно такого рода: «Обналичил Пушкинскую карту!!!). Иду пить пиво! Ссылка в описании».

¹ Признан экстремистской организацией и запрещен на территории РФ (Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. № 02-2473/2022).

2. В Telegram, Вконтакте, Instagram публиковались посты, прямо указывающие на возможность вывода денег на свою карту, с приведением внутрисоциальных контактов лиц, которые могли бы помочь с этим.

3. В YouTube данная реклама содержалась зачастую в русскоязычных роликах лиц, которые пребывают за рубежом Российской Федерации. Реклама была частью ролика в форме интеграции.

Предполагалось, что, просматривая контент часами, пользователь обязательно «наткнется» на данную рекламу и у него возникнет корыстный мотив, т. к. картой он по прямому назначению не пользуется. Согласно рекламным предложениям, лицо, обратившееся за обналичиванием денежных средств, получит от 20 до 50 % со счета.

И если на старте проекта желающие получить деньги с Пушкинской карты покупали билет в театр, кино или на любое мероприятие с кассовым оператором, после чего посещали кассу организации и, отказываясь от посещения, возвращали деньги в натуральном виде либо покупали билеты по обычной цене, а в последующем продавали их через Интернет-площадки (Авито, Юла и другие) по заниженной цене, то после введения запрета на возврат и продажу билетов посторонним лицам схема мошенничества усовершенствовалась путем использования фиктивных юридических лиц.

Создавалось фиктивное юридическое лицо или индивидуальный предприниматель по ОК-ВЭД (общероссийский классификатор видов экономической деятельности) «Культурные мероприятия» с целью занесения данного формирования в «реестр организаций культуры» и дальнейшего получения полномочий оператора по реализации социальной программы «Пушкинская карта» с отражением движений денежных средств в бухгалтерской отчетности. Преступная схема включает в себя следующие этапы: достижение договоренности с владельцем на обналичивание денежных средств, получение «кода-подтверждения» на техническое устройство владельца карты, списание денежных средств со счета Пушкинской карты, возмездное отчисление лицу, обратившемуся за услугой.

Один из пострадавших от действий мошенников сообщил, что, находясь в Екатеринбурге и имея умысел на незаконное получение денежных средств с Пушкинской карты, стал искать в одном из каналов Telegram рекламу с таким предложением, когда реклама была найдена, он сообщил контакту по ссылке о сво-

ем желании. Далее потерпевший с целью подтверждения подлинности своего счета отправил снимок экрана счета и имеющихся на нем финансах, после чего пришло уведомление на телефон с кодом подтверждения намерения на покупку фиктивного билета на спектакль «Родные и нервные» в Астраханском драматическом театре. Стоимость билета составила 4700 рублей. Когда произошло списание денег со счета Пушкинской карты и билет появился во вкладке «Билеты» приложения «Культура», исполнитель операции перестал отвечать, а после заблокировал лицо, обратившееся к нему за услугой, вследствие чего желаемое отчисление со своей Пушкинской карты потерпевший не получил¹.

А в Новосибирской области задержали мошенников, через чаты в мессенджерах реализовывавших схему по предварительной продаже билетов на культурно-массовые мероприятия, которые фактически не проводились. Для оплаты билетов использовались купленные в интернете реквизиты персональных Пушкинских карт. В результате противоправной деятельности Министерству культуры Российской Федерации причинен ущерб в сумме свыше 11,6 млн рублей².

Таким образом, можно выделить два основных способа хищения:

- 1) самостоятельное хищение денежных средств держателями Пушкинской карты;
- 2) хищение денежных средств лицами, не являющимися владельцами Пушкинской карты.

Личность преступника, как элемент криминалистической характеристики, проявляется в том, что чаще всего данное преступление совершается мужчинами в возрасте от 25 до 45 лет, имеющими специальные знания в области права, бухгалтерского учета, информационных технологий. Кроме того, сама преступная схема не реализуется лишь одним исполнителем. В преступной схеме также могут участвовать посредники в совершении преступления, тем самым представляя организованную группу (создание рекламы, поиск помещений под проведение фиктивных культурных мероприятий, решение юридических вопросов по оформлению статуса оператора культурных мероприятий и иные действия).

Виктимологическая характеристика как элемент криминалистической характеристики

¹ Архив СО по РПТО ОП № 9 УМВД России по г. Екатеринбург.

² Подозреваемых в хищениях с «Пушкинских карт» задержали в Новосибирске // URL: <https://nsk.rbc.ru>.

проявляется в том, что чаще всего потерпевшими по данной категории являются лица в возрасте от 14 до 20 лет, обучающиеся в учреждениях среднего и средне специального образования.

Местом совершения преступления, по нашему мнению, целесообразно считать место, откуда были совершены действия по переводу похищенных средств, а не отделение банка, где был открыт счет потерпевшего, т. к. это место ввода информации и выхода в информационно-телекоммуникационную сеть с последующей реализацией из этого места преступного деяния, независимо от того, где наступили общественно опасные последствия. Чаще всего это загородные дома с одной стороны, а с другой – учреждения культуры небольших населенных пунктов, в которых, согласно документам, проводятся культурные мероприятия.

Следовая картина рассматриваемой группы преступлений характеризуется наличием идеальных, материальных и цифровых (информационных) следов.

Идеальными следами можно считать показания потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей. Особое внимание уделяется тем сведениям, которые сообщаются потерпевшими и свидетелями. В частности, потерпевший в ходе допроса дает первоначальные сведения по источникам, которые он использовал для реализации своих корыстных намерений: используемая социальная сеть для получения доступа к переписке со злоумышленниками; профиль последних в социальной сети либо Интернет-ресурс, канал, рекламирующий незаконные услуги, хронология переписки; действия по передаче персональных данных и данных по Пушкинской карте; посткриминальное поведение лица после совершения преступления и иные сведения.

Показания, сообщаемые свидетелями при проведении допроса, чаще всего включают в себя сведения об отсутствии запланированных мероприятий в учреждениях и организациях культуры; сведения о посещении злоумышленниками мест проведения культурных мероприятий и иные сведения.

Материальными следами являются предметы и орудия совершения преступления (компьютеры, телефоны, планшеты), а также SIM-карты, используемые для регистрации новых профилей в социальных сетях, документация по оформлению юридического лица или индивидуального предпринимателя, учетно-бухгалтерская документация по поступлению на сче-

та организации денежных средств, полученных преступным путем, и иные.

Цифровые следы в большей мере составляют следовую картину преступлений, связанных с хищением денежных средств с Пушкинских карт. Таковыми могут быть: билет с уникальным номером на культурное мероприятие, содержащийся во вкладке «Билеты» приложения «Культура», в котором указываются фиктивные время и место проведения (город, улица учреждения культуры и его название), а также стоимость билета (сумма хищения с лицевого счета обладателя Пушкинской карты); сведения о фактах хозяйственной деятельности организации, содержащиеся в информационно-учетных регистрах программ бухгалтерской отчетности (1С и др.); платежные электронные документы, оформляемые через банк-оператор организации культуры (оператора культуры) (в том числе следы вывода денежных средств с лицевого счета владельца Пушкинской карты); скриншоты устройств, с помощью которых совершались действия и содержащие изображения профилей злоумышленников, преступной рекламы, хода переписки; информация о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами; сведения из электронных реестров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Таким образом, криминалистическая характеристика мошенничеств, направленных на вывод средств с Пушкинской карты, представляет собой информационную модель, отражающую криминалистическую сущность и закономерные связи между ее элементами, знание которой позволит лицам, осуществляющим расследование мошенничеств с использованием Пушкинских карт, выдвигать соответствующие версии и разрабатывать эффективный алгоритм расследования, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования указанных мошенничеств, снижению уровня их латентности и реализации предупреждения таких преступлений путем повышения контроля со стороны надзорных и регистрационных органов за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в связи с осуществлением ими полномочий операторов культурных мероприятий в целях предотвращения фиктивных мероприятий на потребительском рынке.

Библиографический список

1. Еськова Н. А., Кликунов Н. Д., Соловьева Т. Н. [и др.] Пушкинская карта как разновид-

ность именного финансового обязательства // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 6. С. 207–213.

2. Никифорова С. С., Никонова Е. В., Харисов Д. Ф., Шаброва Н. В. Результаты и проблемы реализации программы «Пушкинская карта» в Свердловской области // Human Progress. 2023. Т. 9. № 3. С. 10.

3. Акладская А. В., Мищенко М. А. Некоторые вопросы привлечения к юридической ответственности за незаконное использование «Пушкинской карты» // Молодой ученый. 2022. № 45 (440). С. 90–94.

4. Злотникова Е. В., Сташук М. В., Ручкина А. И. Оценка результативности проекта «Пушкинская карта» // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2022. № 2 (40). С. 10–15.

5. Акберов Д. Ф. Мошенничество в сфере социальных проектов (на примере «Пушкинской карты») // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 6 (82). С. 496–500.

References

1. Eskova N. A., Klikunov N. D., Solovyova T. N. [et al.] «Pushkin's Card» as a kind of nominal financial obligation // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2023. No. 6. Pp. 207–213.

2. Nikiforova S. S., Nikonova E. V., Kharisov D. F., Shabrova N. V. Results and problems of the implementation of the Pushkin Map program in the Sverdlovsk region // Human Progress. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 10.

3. Akladskaya A. V., Mishchenko M. A. Some issues of bringing to legal responsibility for the illegal use of the «Pushkin card» // Young Scientist. 2022. No. 45 (440). Pp. 90–94.

4. Zlotnikova E. V., Stashuk M. V., Ruchkina A. I. Evaluation of the effectiveness of the Pushkin Map project // GosReg: state regulation of public relations. 2022. No. 2 (40). Pp. 10–15.

5. Akberov D. F. Fraud in the field of social projects (on the example of the «Pushkin map») // Skif. Questions of student science. 2023. No. 6 (82). Pp. 496–500.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научная статья
УДК 343.1

Способы предупреждения краж и угонов автотранспорта

Аюкин Тимур Каримович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
timur.ayukin@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современных способов предупреждения краж и угонов автотранспорта. Автором проанализированы возможные подходы к недопущению завладения злоумышленниками автотранспортом как со стороны их владельцев, так и со стороны правоохранительных органов.

Ключевые слова: кражи и угоны автотранспорта, предупреждение преступлений, сигнализация, механические противоугонные системы, защитная конструкция, блокиратор, место парковки

Для цитирования: Аюкин Т. К. Способы предупреждения краж и угонов автотранспорта // На страже закона. 2024. № 2. С. 25–29.

Original article

Ways to prevent theft and theft of vehicles

Ayukin Timur K.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
timur.ayukin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of modern methods of preventing theft and theft of motor vehicles. The author analyzes possible approaches to preventing criminals from seizing vehicles, both from their owners and from law enforcement agencies.

Keywords: theft and theft of motor vehicles, crime prevention, alarms, mechanical anti-theft systems, protective structure, blocker, parking place

For citation: Ayukin T. K. Ways to prevent theft and theft of vehicles // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 26–29.

© Аюкин Т.К., 2024

В современных условиях развития нашего общества задача по предупреждению преступлений органами внутренних дел Российской Федерации приобретает первостепенное значение. Основная масса противоправных деяний относится к имущественному блоку, где потерпевшим причиняется значительный финансовый ущерб. Именно к таким преступлениям относятся угоны и кражи транспортных средств.

В настоящей статье вопрос предупреждения краж и угонов автотранспорта будет рассмотрен со стороны заинтересованных лиц – владельцев транспортных средств, а также со стороны деятельности правоохранительных органов. Нас интересовала профилактика краж и угонов автотранспорта самими потерпевшими и рассмотрение поведения жертвы преступления.

По официальной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2023 г. в России похищено 6,58 тысяч автомобилей, а угнано 11,6 тысяч. Хотя по сравнению с 2022 г. количество краж уменьшилось на 22,9 %, а угонов – на 8,4 %, вероятность навсегда проститься со своим автомобилем осталась [1].

В настоящее время социальная реакция населения нашей страны на происходящие перемены усиливается, растут массовые волнения. И тому есть ряд причин, среди них военные действия на территории Украины, рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, подорожание жизни в целом, стагнация, отсутствие роста заработных плат различным слоям населения. Все это приводит и к увеличению количества недовольных людей и росту числа преступлений, в большинстве своем имущественного характера. К примеру, законопослушный вчера гражданин, столкнувшись с реалиями сегодняшней жизни, может не справиться с финансовыми трудностями и психологическими проблемами и встать на путь преступности. Такого сценария исключать нельзя [2].

На фоне всего этого особое место среди имущественных преступлений отводится кражам и угонам автотранспорта. Это связано опять же, с одной стороны, с увеличивающимся недовольством одной части населения, а, с другой – с непомерно растущим благосостоянием другой его части.

Если рассматривать работу по предупреждению краж и угонов автотранспорта со стороны правоохранительных органов, то можно отметить, следующие направления:

– выявление, анализ и обобщение особенностей и способов совершения краж и угонов автотранспорта;

– выявление и приостановление деятельности мест сокрытия, разукрупления, легализации автотранспорта;

– подготовка рекомендаций, обзоров для правоохранительных органов и владельцев транспортных средств о способах профилактики и борьбы с данным видом преступлений [3].

Как уже отмечалось ранее, работа по предупреждению краж и угонов автотранспорта не может состоять только из действий сотрудников органов внутренних дел, им на помощь должны прийти сами автовладельцы, собственники транспортных средств.

Рассмотрим способы и средства пресечения данного вида преступления, доступные именно гражданам.

В-первых, к ним относятся электронные противоугонные системы или сигнализации. Сигнализация – самая простая и популярная защита от угона. На сегодняшний день практически каждый автомобиль оснащен ею. Существует много разновидностей электронных противоугонных систем, среди них: без обратной связи; с обратной связью; спутниковые; управляемые посредством смартфона и др. Но, чем дальше движется наука в области разработки данных систем, тем больше появляется устройств, способных преодолеть их и вскрыть автомобиль.

Например, всем известное устройство код-граббер (распознает по цифровой посылке брелока тип сигнализации и, используя так называемый мануфактурный код, становится клоном (полным дубликатом) брелока владельца), позволяющее перехватить сигнал установленной сигнализации и открыть автомобиль.

Во вторых, иммобилайзер. Это устройство, внешне представляющее брелок, «метку», которое встраивается в корпус автомобиля и регулирует работу определенного узла его агрегата. При этом брелок сигнализации оснащается специальным устройством, при появлении которого в зоне видимости иммобилайзера, возможен беспрепятственный запуск и работа автомобиля, а при его отсутствии конкретный узел будет блокироваться встроенным иммобилайзером. Данное устройство предотвращения краж и угонов автотранспорта может быть штатным, то есть установленным заводом-изготовителем, а может и дополнительным, то есть располагаться в любом, случайно выбранном месте в конструкции автомобиля. В первом случае найти иммобилайзер не составит труда,

во втором – только специально подготовленные злоумышленники смогут довести преступление до логического завершения.

В-третьих, механические противоугонные системы. Данные устройства отличаются от электронных тем, что требуют для своего преодоления и открытия (запуска) автомобиля использование специальных инструментов, таких как «проворот» для взлома личинки замков дверей либо болторезы, ножницы, пилы и др. У неопытного злоумышленника таких инструментов с собой может не быть.

К рассматриваемым основным видам механических противоугонных систем относятся:

1. Противоугонные замки. Они представляют собой специальные приспособления, устанавливаемые на детали автотранспорта, без снятия которых невозможно начать движение. Основным недостатком данного вида защиты состоит в том, что перед каждым началом движения данное устройство необходимо снимать, что не совсем удобно для автомобилистов в плане экономии времени. Для опытных преступников обезвредить данную защитную конструкцию не составит труда, только неподготовленные столкнутся с трудностями в ее преодолении. Соответственно, использование данного вида противоугонной системы в качестве единственного способа предупреждения краж и угонов является недостаточно действенным.

2. Дверные штыри. Они представляют собой определенные блокираторы дверей с целью предотвращения проникновения внутрь автомобиля. В этом случае двери чаще всего открываются специальным брелоком обособленно от основной сигнализации либо штатного замка.

3. Замок на капот. Применяется для предотвращения доступа в подкапотное пространство автомобиля для недопущения неправомерной замены электронного блока управления или отключения сигнализации. Уровень защиты в этом случае, как и в предыдущем, достаточно невысокий, его стоит применять лишь в совокупности с какой-либо другой защитной конструкцией.

4. Сейф для электронного блока управления. Предотвращает непосредственный доступ к параметрам автомобиля для их сброса. Также рекомендуется использовать в совокупности с другими способами защиты.

В-четвертых, GPS-трекеры и маяки. Это специальные устройства либо простые средства связи, рассчитанные на работу в спящем режиме с возможностью удаленно передавать

местоположение транспортного средства. Как таковым способом предотвращения краж и угонов автотранспорта данное средство не является, но значительно облегчает задачу автовладельцам и правоохранительным органам по обнаружению похищенного или угнанного автомобиля.

В-пятых, правила хранения ключей. Основные моменты заключаются в простом соблюдении здравого смысла: не оставлять ключи в общественных местах, в ремонтных мастерских, на автомойках. Также ключи от автотранспорта с бесключевым доступом стоит хранить в защитных чехлах, подальше от входных дверей с целью исключения доступа к ним посредством ретранслятора – специальным устройством удлинения сигнала автосигнализации.

В-шестых, выбор места парковки, исключающий провокацию злоумышленников на кражу и угон автотранспорта [4]. Рассмотрим допустимые места парковки с точки зрения их надежности:

– гараж (преимущество заключается в том, что автомобиль находится в укрытом месте, защищен от воздействия внешних факторов, не виден постороннему взгляду);

– двор (основная масса автомобилей располагается, как раз, именно во дворах жилых домов и административных зданий; никакой о какой защищенности в данном случае не может быть и речи, если только это не охраняемая территория);

– охраняемая автостоянка (преимущество данного места состоит в круглосуточном наблюдении, возможном наличии видеонаблюдения, шлагбаума, огороженной забором территории; при этом не исключается человеческий фактор, непорядочность сотрудников охранного предприятия и т. п.);

– территория торговых центров (основной минус в этом случае заключается в том, что злоумышленнику с учетом большого количества припаркованных транспортных средств не составит труда подойти к предполагаемому автомобилю и провести с ним манипуляции, необходимые для совершения кражи или угона; из преимуществ можно выделить лишь наличие видеонаблюдения, при этом радиус камер в большинстве случаев достаточно ограничен, а качество получаемого изображения часто не соответствует желаемому) [5].

В-седьмых, использование уникальных деталей либо аэрографии. Придание транспортному средству отличительных черт, выделяющих его в общем потоке автотранспорта, отпугнет злоумышленника, который вряд ли

станет выбирать для своей цели автомобиль, имеющий яркую окраску (картинку) либо оборудованный нестандартными элементами кузова [5].

Таким образом, в целях профилактики краж и угонов автотранспорта со стороны их собственников должен применяться комплекс мероприятий, в числе которых оборудование автомобиля системами защиты от взлома, выбор места парковки, а также соблюдение правил хранения ключей. Со стороны правоохранительных органов основными предупредительными действиями будут являться выявление, анализ и обобщение особенностей и способов совершения краж и угонов автотранспорта и подготовленные на этих данных рекомендации о способах профилактики и борьбы с данным видом преступлений.

Библиографический список

1. Лугинец Э. Ф., Тихонов В. В. Актуальные вопросы взаимодействия оперативных и следственных подразделений при противодействиях организованным группам (преступным сообществам), действующим в сфере криминального автобизнеса. 2023. С. 40–42.

2. Воронцов А. В., Парфенов А. В. Направление совершенствования деятельности органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом // Труды Академии управления МВД России. 2018. С. 10–12.

3. Магомедова М. К. Хищения легковых автомобилей: проблемы уголовно-правового регулирования и противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2007. С. 55–58.

4. Семёнов Д. Ю. Особенности предупреждения краж и случаев неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством // Современные наукоемкие технологии. 2020. С. 104–105.

5. Горбунова Э. А. Современное состояние оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по раскрытию краж и угонов автотранспортных средств // Вопросы российского и международного права. 2018. С. 243–244.

References

1. Luginets E. F., Tikhonov V. V. Topical issues of interaction between operational and investigative units in countering organized groups (criminal communities), operating in the field of criminal automobile business. 2020. Pp. 40–42.

2. Vorontsov A. V., Parfenov A. V. Directions for improving the activities of internal affairs

agencies to combat criminal car business // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Pp. 10–12.

3. Magomedova M.K. Theft of passenger cars: problems of criminal law regulation and counteraction: abstract of the dis. ... for the degree of cand. of law. jurid. science. 2007. Pp. 55–58.

4. Semenov D. Yu. Features of the prevention of theft and cases of unlawful seizure of a car or other vehicle // Modern high-tech technologies. 2020. Pp. 104–105.

5. Gorbunova E. A. The current state of operational investigative activities of the internal affairs bodies to uncover thefts and thefts of motor vehicles // Issues of Russian and international law. 2018. Pp. 243–244.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

ТЕОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ

Научная статья
УДК 343

Изменение уголовного законодательства, связанного с уголовной ответственностью лиц, участвующих в специальной военной операции

Веденин Дмитрий Витальевич
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
dv_1973@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются новеллы уголовного законодательства, связанные с освобождением от уголовной ответственности и наказания, а также со снятием судимости в отношении лиц, принимающих участие в специальной военной операции. Автором предлагаются изменения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, направленные на уточнение анализируемых правовых норм.

Ключевые слова: специальная военная операция, освобождение от уголовной ответственности и наказания, судимость, лишение свободы

Для цитирования: Веденин Д. В. Изменение уголовного законодательства, связанного с уголовной ответственностью лиц, участвующих в специальной военной операции // На страже закона. 2024. № 2. С. 5–11.

Original article

Changes in criminal legislation related to the criminal liability of persons participating in a special military operation

Vedenin Dmitriy V.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
dv_1973@mail.ru

© Веденин Д.В., 2024

Abstract. This article discusses innovations in criminal legislation related to exemption from criminal liability and punishment, as well as the expungement of criminal records in relation to persons taking part in a special military operation. The author proposes changes to criminal and penal legislation aimed at clarifying the analyzed legal norms.

Keywords: special military operation, exemption from criminal liability and punishment, criminal record, imprisonment

For citation: Vedenin D. V. Changes in criminal legislation related to the criminal liability of persons participating in a special military operation // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 5–11.

Не будет преувеличением сказать, что специальная военная операция кардинальным образом повлияла на все сферы жизни российского общества. Изменившиеся условия неизбежно повлекли необходимость приведения отечественного законодательства и практики его применения к современным реалиям, что в полной мере коснулось и уголовно-правовых норм. Достаточно посмотреть на те федеральные законы, вносящие изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее также – УК РФ), которые были приняты после начала специальной военной операции, чтобы понять ее связь со многими из этих нормативных актов (например, Федеральные законы от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ¹, от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ², от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ³, от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ⁴, от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ⁵ и др.).

¹ Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 10.04.2024).

² Федеральный закон от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 10.04.2024).

³ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 10.04.2024).

⁴ Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 10.04.2024).

Одним из наиболее волнующих российское общество вопросов явилось привлечение к ведению боевых действий в рамках специальной военной операции лиц, осужденных за совершение преступлений и отбывающих наказание в виде лишения свободы. С одной стороны, практика «искупления кровью» совершенных преступлений и прежде существовала во многих государствах, в том числе и в нашем. С другой – можно понять тех, кто не доволен фактами гораздо более раннего освобождения из мест лишения свободы осужденных, чем это могло иметь место, не принимая они участие в боевых действиях. Особенно тяжело было потерпевшим или их родственникам, когда они узнавали об освобождении лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление и осужденного на длительный срок. Общественное мнение зачастую также негативно относилось к таким фактам. Необходимо признать, что реализованная возможность досрочного освобождения от наказания в связи с указанными обстоятельствами вряд ли говорит о достижении такой цели уголовного наказания, как исправление осужденного, предусмотренной ч. 2 ст. 43 УК РФ и конкретизированной в ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее также – УИК РФ), которая состоит в формировании у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Если речь идет о таком наказании, как лишение свободы на определенный срок, то применение к осужденному основных средств исправления (установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие) предполагается в течение всего срока отбывания наказания. В большинстве случа-

ев именно достижение указанной цели ранее полного отбытия назначенного судом срока лишения свободы является критерием для условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ, ч. 1 ст. 175 УИК РФ).

Вместе с тем для применения остальных вариантов освобождения от отбывания наказания, предусмотренных гл. 12 и 13 УК РФ, достижение цели исправления осужденного формально не требуется (хотя теоретически это может быть учтено, например, при признании лица утратившим общественную опасность и его освобождении от отбывания наказания на основании ст. 80.1 УК РФ). Именно это необходимо учитывать при оценке появления новых оснований для освобождения лица от уголовной ответственности и наказания, о которых речь пойдет ниже.

После начала специальной военной операции перед нашим государством остро встал вопрос о том, кого допустимо привлекать к боевым действиям. Учитывая принципиальную позицию руководства страны о недопустимости привлечения для этого лиц, проходящих срочную службу по призыву (за исключением некоторых случаев, когда речь идет, например, о защите государственной границы), необходимо было использовать иные способы пополнения сил, участвующих в специальной военной операции: служба по контракту, мобилизация, набор добровольцев и т. д. При этом достаточно большим потенциалом для привлечения к участию в боевых действиях обладал контингент осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Однако было очевидно, что его использование существенно ограничивалось нормами действующего на тот момент уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Так, ст. 172 УИК РФ предусматривает достаточно четко обозначенный перечень оснований освобождения от отбывания наказания: отбытие срока наказания, назначенного по приговору суда; отмена приговора суда с прекращением дела производством; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; помилование или амнистия; тяжелая болезнь или инвалидность; иные основания, предусмотренные законом. Следовательно, администрация исправительного учреждения для освобождения осужденного, который будет участвовать в боевых действиях, должна получить документы, подтверждающие наличие какого-либо основания

из числа поименованных в указанной статье. Нетрудно заметить, что до определенного момента по сути единственным подходящим основанием являлось помилование, однако с технической точки зрения его применение выглядит не слишком удобным. Как следует из п. «в» ст. 89 Конституции Российской Федерации, помилование является исключительной прерогативой Президента Российской Федерации как главы нашего государства, при этом исходя из ч. 1 ст. 84 УК РФ оно осуществляется только в отношении индивидуально определенного лица. Представляется, что такой механизм должен быть во многом экстраординарным, и его не следует применять излишне часто.

Промежуточным решением явилось принятие Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»¹. Примечательно, что слова «специальная военная операция» встречались только в названии данного закона, а сам текст нормативного акта не упоминал о возможности применения его норм исключительно в отношении лиц, участвующих в специальной военной операции, что вызвало некоторую неопределенность относительно пределов его действия.

При этом Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ не вносил изменений в УК РФ, и это дало основания В. А. Коновалову указать на то обстоятельство, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия должны определяться только этим кодексом [1]. Как справедливо отметил А. В. Иванчин в связи с принятием указанного федерального закона, «вряд ли можно оправдать иное, а именно автономное существование вне УК РФ специального уголовного закона» [2].

В свою очередь, А. В. Курсаев обратил внимание на то обстоятельство, что Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ (наряду с некоторыми другими) «фактически превращает в юридическую фикцию положение ч. 1 ст. 1 УК РФ о том, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит только из УК РФ» [3].

Таким образом, внесение соответствующих изменений непосредственно в УК РФ было вполне логичным и обоснованным шагом, тем

¹ Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 10.04.2024).

более, что участие в боевых действиях лиц, ранее осужденных к лишению свободы, не скрывалось и стало иметь довольно широкое распространение. Примечательно, что Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН России) с некоторого времени перестала публиковать сведения относительно количества лиц, содержащихся в уголовно-исполнительной системе. На официальном сайте ФСИН России на сегодняшний день имеется информация лишь о том, что состоянию на 1 января 2023 г. таковых было 433 006 человек, хотя ранее подобная информация обновлялась достаточно оперативно. При этом в отношении указанной цифры отсутствует указание о входящем в нее количестве лиц (основная часть которых не является осужденными), содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колонии¹.

Как следует из ранее имевшихся на сайте ФСИН России сведений, по состоянию на 1 ноября 2022 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 439 453 человека (на 26 443 меньше, чем на 1 января того же года), а из них в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колонии, находилось 112 225 человек. Сопоставление данных цифр может дать представление о примерном количестве осужденных, отбывавших на тот период времени наказание в виде лишения свободы.

Заместитель министра юстиции Российской Федерации Всеволод Вуколов на выездном заседании комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству на тему «Ресоциализация осужденных в современных условиях» в октябре 2023 г. сообщил, что в исправительных колониях России содержится порядка 266 тыс. осужденных². Очевидно, что количество последних существенно сократилось, и темпы этого сокращения значительно превышают аналогичные показатели предыдущих периодов.

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 12.04.2024).

² Выездное заседание Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству на тему: «Ресоциализация осужденных в современных условиях» // VK Видео. URL: https://vk.com/video-170206299_456244614?t

Конечно, нельзя связывать сокращение количества осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, только с их участием в боевых действиях в ходе специальной военной операции, поскольку такая тенденция уменьшения имела место и раньше, но и отрицать значение данного фактора невозможно, поскольку темпы указанного уменьшения были совсем иными.

Соответственно, возникла необходимость закрепления в УК РФ новой конструкции, ранее частично реализованной в Федеральном законе от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ, позволяющей привлекать к участию в боевых действиях осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, а также лиц, которые еще не были осуждены (то есть речь в последнем случае идет об освобождении от уголовной ответственности), на которых помилование не могло быть распространено по смыслу ч. 2 ст. 85 УК РФ, в соответствии с которой только осужденный мог быть освобожден от дальнейшего отбывания наказания, либо речь могла идти о сокращении или замене назначенного наказания более мягким видом наказания.

И именно такая, столь нужная, универсальная конструкция появилась после вступления в силу Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»³, при этом она касается трех аспектов: предусматривает возможность освобождения как от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ), так и от наказания (ст. 80.2 УК РФ), а также расширяет основания погашения судимости (ч. 3.1 ст. 86 УК РФ).

В определенной степени «базовой» нормой в анализируемых новеллах является ст. 78.1 УК РФ, устанавливающая общие правила, определяющие круг случаев, на которые распространяются или не распространяются нормы, введенные в УК РФ Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ (в остальных случаях содержится отсылка к ст. 78.1 УК РФ).

Часть 1 ст. 78.1 УК РФ определяет достаточно широкий перечень преступлений, совершение которых не позволяет рассчитывать на применение рассматриваемой конструкции. Первый перечень этих преступлений связан с посягательствами на половую неприкосновен-

³ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 10.04.2024).

ность несовершеннолетних (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. 3–6 ст. 134, ч. 3–5 ст. 135 УК РФ), а второй – представляет собой целый конгломерат из посягательств, предусмотренных разными главами УК РФ (преступления в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной власти, против мира и безопасности человечества).

В отличие от ст. 80.2 и ч. 3.1 ст. 86 УК РФ в ст. 78.1 УК РФ предусматривается еще один вариант «набора» условий, позволяющих освободить лицо от уголовной ответственности в случае, если оно совершило преступление в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, и в отношении него предварительное следствие приостановлено в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождением военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УК РФ).

В данном случае освобождение от уголовной ответственности связывается с наступлением хотя бы одного из двух событий: награждение лица государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, либо увольнение с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе или в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени. Очевидно, что если эти обстоятельства не наступили, то совершившее преступление лицо в дальнейшем подлжет уголовной ответственности.

Если же речь идет об освобождении от наказания на основании ст. 80.2 УК РФ, то указанные выше призыв на военную службу или заключение контракта дают основания для условного освобождения от наказания. Лицо окончательно освобождается от наказания при наступлении тех же обстоятельств, с которыми

связывается возможность освобождения лица от уголовной ответственности согласно ст. 78.1 УК РФ.

В тех случаях, когда условно освобожденное от наказания лицо до момента «полного» освобождения от наказания совершит новое преступление, то окончательное наказание ему будет назначено по совокупности приговоров. Вместе с тем ст. 80.2 УК РФ не определяет вариантов возможной судьбы условного освобождения от наказания в отличие от того, как это сделано в ч. 7 ст. 79 УК РФ. По нашему мнению, обязательная отмена условного освобождения от наказания во всех случаях совершения лицом нового преступления не может быть признана оптимальным вариантом, в связи с чем ст. 80.2 УК РФ целесообразно дополнить положениями, в соответствии с которыми решение вопроса о сохранении условного освобождения будет приниматься судом в порядке, сходном с решением аналогичного вопроса при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (п. «б», «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ).

Кроме того, вполне обоснованным выглядит отдельное указание в ст. 172 УИК РФ такого основания освобождения от отбывания наказания, как освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Снятие судимости для лиц, участвовавших в боевых действиях, также подчиняется общим правилам, присущим ранее рассмотренному механизму, и в части ограничений в отношении преступлений, за совершение которых лицо было осуждено, и в части условий, с наступлением которых связывается погашение судимости.

Итак, Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ определил комплекс норм, позволяющих решать вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также снятия судимости в отношении лиц, принимающих участие в боевых действиях. Этот механизм не лишен недостатков, требующих исправления, но его появление является обоснованным с точки зрения целесообразности.

Библиографический список

1. Коновалов В. А. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Законность. 2023. № 10. С. 16–18.

2. Иванчин А. В. Реальный круг источников уголовного права России // Российский следователь. 2024. № 1. С. 27–30.

3. Курсаев А. В. Привлечение к уголовной ответственности на территории новых субъектов Российской Федерации // Уголовное право. 2024. № 1. С. 13–34.

References

1. Konovalov V. A. Current issues of exemption from criminal liability of persons involved in participation in a special military operation // Legality. 2023. No. 10. Pp. 16–18.

2. Ivanchin A. V. The real circle of sources of criminal law in Russia // Russian investigator. 2024. No. 1. Pp. 27–30.

3. Kursaev A. V. Involvement in criminal liability on the territory of new subjects of the Russian Federation // Criminal law. 2024. No. 1. Pp. 13–34.

Информация об авторе

Веденин Дмитрий Витальевич – кандидат юридических наук

Information about author

Vedenin Dmitriy V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 12.04.2024;
одобрена после рецензирования 30.04.2024;
принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 12.04.2024;
approved after reviewing 30.04.2024; accepted
for publication 21.05.2024

Научная статья

УДК 343

Тенденции состояния и динамики преступности, отдельных видов преступлений в Российской Федерации на современном этапе

Фомин Сергей Альбертович

Смоленский колледж Международного юридического института, Смоленск,
Россия, sergei.fomin71@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются состояние и изменения в целом преступности в Российской Федерации и отдельных ее видов на современном этапе. Автором раскрыты основные характеристики преступности, наглядно показывающие уровень криминогенной напряженности в государстве и обществе. По результатам проведенных расчетов в статье показаны уровни, динамика, удельный вес преступности в общем и отдельных групп и видов преступлений, совершенных в Российской Федерации в 2018–2023 гг., а также представлен сравнительный анализ данных характеристик с 2014–2017 гг.

Ключевые слова: преступность, отдельные группы и виды преступлений, характеристики преступности, структура преступности, социальность преступности, анализ, динамика, уровень, удельный вес в структуре, преступления против личности, преступления против собственности

Для цитирования: Фомин С. А Тенденции состояния и динамики преступности, отдельных видов преступлений в Российской Федерации на современном этапе // На страже закона. 2024. № 2. С. 36–45.

Original article

Trends in the state and dynamics of crime, certain types of crimes in the Russian Federation at the present time

Fomin Sergey A.

Smolensk College of the International Law Institute, Smolensk, Russia,
sergei.fomin71@yandex.ru

Abstract. This article examines the state and changes in crime in general in the Russian Federation and its individual types at the present stage. The author reveals the main characteristics of crime, clearly showing the level of criminogenic tension in the state and society. Based on the results of the calculations, the article shows the levels, dynamics, and share of crime in general and individual groups and types of crimes committed in the Russian Federation in the period from 2018 to 2023, and also presents a comparative analysis of these characteristics with the period from 2014 to 2017.

© Фомин С.А., 2024

Keywords: crime, individual groups and types of crimes, characteristics of crime, structure of crime, sociality of crime, analysis, dynamics, level, a part in the structure, crimes against the person, crimes against property

For citation: Fomin S. A. Trends in the state and dynamics of crime, certain types of crimes in the Russian Federation at the present time. // Law Enforcement. 2024. № 1. Pp. 36–45.

Пораженность преступностью государства в целом и отдельных его территорий в частности всегда волнует проживающее там население, все слои общества. В этой связи перед государством, его органами стоит задача – свести к минимуму преступность, привести ее на приемлемый для общества уровень. Чтобы эффективно противодействовать росту преступности, необходимо знать тенденции ее состояния и развития, а также причины, их порождающие.

Являясь по своей сути социальным явлением, преступность подвержена влиянию внешних факторов, исходящих от государства и общества, и своими характеристиками достаточно ясно показывает наличие социально-экономических и иных проблем, уровень напряженности населения, подсказывает причины возникновения этой напряженности и т. п.

О преступности как социальном явлении, а также о социальности ее происхождения на протяжении многих лет говорят и ученые, и практики.

Так, профессор Н. Ф. Кузнецова писала: «Преступность социальное явление. Она социальна потому, что ее субъекты, как и лица, на интересы которых осуществляются посягательства, – члены общества. Причиняемый преступностью вред антисоциален, он деформирует общество, нарушает нормальное функционирование его институтов, упорядоченность отношений его членов. Преступность порождается причинами и условиями, носящими социальный характер» [1, с. 91].

Профессор В. Д. Малков, рассматривая преступность как социальное явление, говорил: «В отечественной криминологии преступность рассматривается как социальное явление, находящееся в самых разнообразных связях и отношениях с другими явлениями. Этот исходный тезис обуславливает всестороннее изучение различных аспектов влияния на преступность социальных условий, с которыми она связана и взаимодействует» [2, с. 203].

Важное значение в изучении преступности, ее отдельных групп и видов имеют такие характеристики, как уровень в расчете на количе-

ство проживающего на территории населения, состав структуры, выражающийся в соотношении удельного веса различных групп преступлений и их отдельных видов в своих группах и общем массиве преступлений, которые при изучении их в динамике достаточно ясно указывают на наличие и размер имеющихся проблем, направленность их развития на различных территориях и в государстве в целом.

О важности указанных характеристик преступности профессор Н. Ф. Кузнецова говорила, что в качественном и количественном отношении преступность характеризуется тремя основными показателями: уровнем, структурой и динамикой.

Уровень преступности – это ее количественная характеристика, измеряемая в абсолютном выражении суммой совершенных преступлений, а также в коэффициентах или индексах преступности (количество совершенных преступлений и лиц, их совершивших, на 1 тыс., 10 тыс. или 100 тыс. населения).

Структура преступности определяется соотношением в преступности видов (групп) преступлений, классифицируемых по уголовно-правовым либо криминологическим основаниям.

Динамика преступности – изменение ее уровня и структуры за тот или иной период времени (один год, три года, пять лет, десять лет и т. д.) [1, с. 94–101].

Указанные характеристики находят свое выражение в количественных показателях, которыми служат абсолютные значения, уровень, динамика изменений преступных проявлений в целом, конкретных групп, а также отдельных видов наиболее опасных преступлений, ее структура [3, с. 122].

Основное значение в изучении преступности играют обобщающие показатели, дающие возможность выразить явление в относительных величинах, что показывает складывающуюся ситуацию в более наглядном виде. Относительные величины рассчитывают с помощью соотношения каких-либо показателей: например, общего количества зарегистрированных преступлений с численностью населения, количества определенного вида преступлений

с общим количеством преступлений и т. д. [4, с. 161].

В период с 2013 г. по 2017 г. происходило значительное снижение как преступности в целом, так и ее отдельных видов. Так, количество преступлений в целом снизилось с 2 206 249 до 2 058 476, из них: преступления

против личности – с 392 759 до 295 212; преступления против собственности – с 1 304 622 до 1 161 241; убийства – с 12 361 до 9738; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – с 34 786 до 24 522; разбойные нападения – с 16 416 до 9104; грабежи – с 92 069 до 56 885; кражи – с 922 562 до 788 531.

Таблица 1

В этот период времени ежегодные темпы роста (снижения) составляли:

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Все преступления	-0,8 %	+9 %	-9,6 %	4,7 %
Преступления против личности	+0,06 %	+4,2 %	-15,2 %	-15 %
Преступления против собственности	-3,5 %	+11 %	-11,9 %	-5,8 %
Убийства	-3,5 %	-3,7 %	-9,2 %	-6,8 %
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	-5,4 %	-8,3 %	-9,1 %	-10,6 %
Разбойные нападения	-12,7 %	-4,9 %	-16,3 %	-20,3 %
Грабежи	-15,6 %	-6,4 %	-15,4 %	-7,6 %
Кражи	-1,5 %	+12 %	-14,5 %	-9,5 %

При этом базовое снижение преступлений, совершенных в 2017 г. по отношению к 2013 г. составило: все преступления -6,7 %, преступления против личности -24,9 %, преступления против собственности -11 %, убийства -21,3 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью -29,4 %, разбойные нападения -44,5 %, грабежи -38,5 %, кражи -14,5 %.

При этом такой вид преступления, как мошенничество имел ежегодный рост. Так, в 2013 г. количество таких преступлений составляло 164 629, в 2014 г. – 160 214, 2015 г. – 200 598, 2016 г. – 208 926, 2017 г. – 222 772, соответственно, ежегодный прирост этих преступлений составил в 2014 г. 2,7 %, в 2015 г. – 25,2 %, в 2016 г. – 4,1 %, в 2017 г. – 6,2 %. Базовый прирост таких преступлений 2017 г. по отношению к 2013 г. составил 35,3 %.

Общий уровень преступности на 100 тыс. населения в 2013–2017 гг. снизился с 1539 до 1402. В том числе снизился уровень по следующим видам: преступления против личности – с 274 до 201, преступления против собственности – с 910 до 791, убийства – с 8,6 до 6,6, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – с 24,2 до 16,7, разбойные нападения – с 11,5 до 6,2, грабежи – с 64 до 30, кражи – с 644 до 537. Уровень мошенничеств вырос со 115 до 152 преступлений.

В 2013–2017 гг. в общей структуре преступности удельный вес преступлений против личности снизился с 17,8 % в 2013 г. до 14,3 % в 2017 г., преступлений против собственности аналогично с 59,1 % до 56,4 %.

В этот период происходило изменение (в основном снижение) удельного веса ряда преступлений как в общей структуре преступности, так и в структурах своих групп. Так, количество убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью снижалось в общей структуре преступности с 0,56 % в 2013 г. до 0,47 % в 2017 г. и с 1,57 % до 1,19 % соответственно. Тогда как в структуре преступлений против личности количество убийств выросло с 3,14 % до 3,3 %, умышленного причинения тяжкого вреда здоровья снизились с 8,6 % до 8,3 %.

Такие виды преступлений, как разбойные нападения, грабежи и кражи в 2013–2017 гг. имели тенденции к снижению удельного веса как в общей структуре преступности (с 0,74 % в 2013 г. до 0,44 % в 2017 г., с 4,17 % до 2,76 % и 41,8 % до 38,3 % соответственно), так и в структуре преступлений против собственности (с 1,26 % до 0,78 %, с 7 % до 4,89 % и с 70,7 % до 67,9 % также соответственно).

Удельный вес мошенничеств вырос в общей структуре преступности с 7,4 % в 2013 г. до 10,8 % в 2017 г., а в структуре преступлений против собственности с 12,6 % до 19,2 % [5, с. 97–100].

В 2018–2023 гг. в Российской Федерации проходили различные значимые социально-экономические процессы, которые могли послужить факторами, стимулирующими изменения состояний преступности и ее отдельных видов. Так, в 2020 г. население РФ длительное время не имело возможности осуществлять свою трудовую деятельность вследствие карантина, введенного на всей территории государства в связи с распространением заболевания COVID-19. Кроме того, именно в рассматриваемый период в отношении Российской Федерации зарубежными государствами были введены санкции, что оказало влияние на социально-экономическое развитие нашей страны.

При этом ряд современных ученых полагают, что в последнее время организованность преступности перешла на более высокий уровень, что также может оказывать свое негативное влияние в целом на ее состояние.

Группы преступников-профессионалов получили возможность совершать новые, ранее не известные в силу своей сложности и масштабности преступления, которые требуют высокой организации выполнения преступного замысла [6, с. 136].

Так, в последние годы появились новые формы преступлений, что потребовало дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации новыми нормами (в первую очередь это коснулось мошенничеств). Также появились новые способы совершения преступлений, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

О сложности ситуации в области правонарушений профессор С. И. Гирько пишет: «Криминальная обстановка в Российской Федерации по-прежнему остается достаточно противоречивой, сложной и содержит совокупность факторов, создающих прямую возможность причинения ущерба национальным интересам государства» [7, с. 26].

Для установления современных тенденций и анализа произошедших изменений рассмотрены состояния, структура и динамика преступности в целом и отдельных групп и видов преступлений по Российской Федерации в период с 2018 по 2023 гг. Для соответствующих расчетов использована официальная статистическая информация, предоставленная ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России¹, об общем состоянии пре-

ступности в указанные годы, состоянии преступлений против личности, против собственности, тяжких и особо тяжких преступлений, а также состоянии отдельных видов преступлений за указанные годы (убийства с покушениями, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, разбойные нападения, грабежи, кражи и мошенничества, в том числе следствие по которым необязательно). Указанные сведения, а также рассчитанные показатели сгруппированы в соответствующие таблицы 1–7.

При расчетах уровней преступности на количество населения и ее удельного веса в структуре использовались несложные для применения в практической деятельности математические методы статистического анализа. Так, уровни преступности на 100 тыс. населения рассчитывались индексным методом по формуле:

$$K = (P * N_r) : N_f, \text{ где}$$

K – коэффициент преступности (либо другой отыскиваемый коэффициент, например, преступной активности, виктимности);

P – количество преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период времени;

N_r – количество расчетного населения (на 100 тыс. человек);

N_f – количество населения (активного населения), фактически проживающего на соответствующей территории в определенный период времени.

Удельный вес преступности в структуре рассчитывался по формуле:

$$C = (u : U) * 100 \%, \text{ где}$$

C – удельный вес исследуемой преступности (отдельные род, вид либо разновидность);

u – объем исследуемой преступности (отдельные род, вид либо разновидность);

U – количество преступлений на той же территории за тот же период времени.

Изменения преступности во времени рассчитывались способами определения показателей рядов динамики. При этом применялись расчеты как базисным способом, то есть путем сравнения текущего периода с периодом, взятым за базу (2018 г.), так и цепным, то есть через сравнение показателей рассматриваемого года с аналогичными показателями предыдущего года.

Базисный абсолютный прирост:

$$П^b = y_i - y_{баз};$$

цепной абсолютный прирост:

$$П^c = y_i - y_{i-1}, \text{ где}$$

y_i – сравниваемый (текущий) уровень;

¹ URL: <https://mvd.ru>.

i – его номер;

y_{i-1} – предыдущий (базисный) уровень.

Базисный коэффициент роста:

$$K_{ю}^6 = y_i / y_{баз};$$

цепной коэффициент роста:

$$K_i^ч = y_i / y_{i-1};$$

расчет темпов роста производился по формуле:

$$T_p = K \times 100 \%.$$

При расчете темпов прироста (снижения) возможно применение двух способов:

– базисный:

$$T_{пр}^6 = x \frac{\Pi^6}{y_{баз}} 100 \% \text{ или } T_p - 100 \%$$

– цепной:

$$T_{пр}^ч = x \frac{\Pi^ч}{y_{i-1}} 100 \% \text{ или } T_p - 100 \%$$

Для расчета уровней преступности на 100 тыс. населения использована официальная статистическая информация, предоставленная Федеральной службой государственной статистики Российской Федерации о демографическом состоянии в РФ в 2018–2023 гг. по состоянию на 1 января каждого рассматриваемого года.

По этой информации в Российской Федерации проживали: в 2018 г. 146 880 400 человек, в 2019 г. – 146 780 700, в 2020 г. – 146 748 600, в 2021 г. – 146 171 000, в 2022 г. – 145 557 600 человек, в 2023 г. – 146 447 400 (данные за 2022–2023 гг. приведены без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей).

Таблица 1

Общее состояние преступности, состояние преступлений против личности, против собственности, убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, разбойных нападений, грабежей, краж, мошенничеств, а также краж и грабежей, следствие по которым не обязательно, зарегистрированных на территории Российской Федерации в 2018–2023 гг.

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Всего преступлений	1 991 532	2 024 337	2 044 221	2 004 404	1 996 795	1 947 161
Тяжкие и особо тяжкие преступления	448 174	494 092	563 204	560 079	536 997	589 079
Преступления против личности	283 595	270 292	256 503	254 128	240 107	227 315
Преступления против собственности	1 113 367	1 172 290	1 220 806	1 195 838	1 169 495	1 136 957
Убийства с покушениями	8 574	7 948	7 695	7 332	7 628	7 466
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	23 224	21 465	20 019	17 894	17 388	16 685
Разбойные нападения	7 474	6 739	5 280	4 436	3 972	3 360
Грабежи	50 111	45 815	38 392	31 456	29 209	22 220
Кражи	756 395	774 159	751 243	733 075	697 567	583 343
В том числе, следствие по которым не обязательно	229 999	223 544	205 702	216 521	231 104	197 277
Мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ)	215 036	257 187	335 631	339 606	343 085	433 708
В том числе, следствие по которым не обязательно	49 114	54 188	66 129	61 389	64 797	66 801

Таблица 3

Динамика общей преступности, преступлений против личности, собственности, убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, разбойных нападений, грабежей, краж, мошенничеств, а также краж и мошенничеств, следствие по которым не обязательно, зарегистрированных в Российской Федерации в 2018–2023 гг., выраженная в абсолютном приросте (снижении)

	Цепной прирост к предшествующему периоду					Базовый прирост по отношению к 2018 г.
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	
Все преступления	32 805	19 884	-39 817	-7 609	-49 634	-44 371
Преступления против личности	-13 303	-13 789	-2 375	-14 021	-12 792	-56 280
Преступления против собственности	58 923	48 516	-24 968	-26 343	-32 538	23 590
Убийства с покушениями	-626	-253	-363	296	-162	-1 108
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	-1 759	-1 465	-2 125	-506	-703	-6 539
Разбойные нападения	-735	-1 459	-844	-464	-612	-4 114
Грабежи	-4 296	-7 423	-6 936	-2 247	-6 989	-27 891
Кражи	17 764	-22 916	-18 168	-35 508	-114 224	-173 052
В том числе, следствие по которым не обязательно	-6 455	-17 842	10 819	20 586	-33 827	-32 727
Мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ)	42 151	78 444	3 975	3 479	90 623	218 672
В том числе, следствие по которым не обязательно	5 074	11 941	-4 740	3 408	2 004	17 687

Таблица 3

Динамика общей преступности, преступлений против личности, собственности, убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, разбойных нападений, грабежей, краж, мошенничеств, а также краж и мошенничеств, следствие по которым не обязательно, зарегистрированных в Российской Федерации в 2018–2023 гг., выраженная в темпах прироста (снижения) в относительных значениях

	Цепной прирост к предшествующему периоду					Базовый прирост по отношению к 2018 г.
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	
Все преступления	1,6 %	1 %	-1,9 %	-1,9 %	-1 %	-2,2 %
Преступления против личности	-4,7 %	-5,1 %	-0,9 %	-5,5 %	-5,3 %	-19,8 %
Преступления против собственности	5,3 %	4,1 %	-2 %	-2,2 %	-2,8 %	2,1 %
Убийства с покушениями	-7,3 %	-3,2 %	-4,7 %	4 %	-2,1 %	-12,9 %
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	-7,6 %	-6,7 %	-10,6 %	-2,8 %	-4 %	-28,1 %
Разбойные нападения	-9,8 %	-21,7 %	-16 %	-10,5 %	-15,4 %	-55 %
Грабежи	-8,6 %	-16,2 %	-18,1 %	-7,1 %	-23,9 %	-55,6 %
Кражи	2,3 %	-3 %	-2,4 %	-4,8 %	-16,4 %	-22,9 %
В том числе, следствие по которым не обязательно	-2,8 %	-8 %	5,3 %	6,7 %	-14,6 %	-14,2 %
Мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ)	19,6 %	30,5 %	1,2 %	1 %	26,4 %	101,7 %
В том числе, следствие по которым не обязательно	10,3 %	22 %	-7,2 %	5,6 %	3,1 %	36 %

Таблица 4

Общий уровень преступности, уровни преступлений против личности, собственности, убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, разбойных нападений, грабежей, краж, мошенничеств, а также краж и мошенничеств, следствие по которым не обязательно, зарегистрированных в Российской Федерации в 2018–2023 гг. на 100 тыс. населения

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Все преступления	1356	1379	1393	1371	1372	1330
Преступления против личности	193	184	174	174	166	155
Преступления против собственности	758	799	832	818	803	776
Убийства с покушениями	5,8	5,4	5,2	5	5,2	5,1
Умышленные причинения тяжкого вреда здоровью	15,8	14,6	13,6	12,2	11,9	11,4
Разбойные нападения	5	4,6	3,6	3	2,7	2,3
Грабежи	34	31	26	22	20	15,2
Кражи	515	527	512	502	479	398
В том числе, следствие по которым не обязательно	157	152	140	148	163	134
Мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ)	146	175	229	232	236	296
В том числе, следствие по которым не обязательно	33,4	37	45	42	44,5	45,6

Таблица 5

Удельный вес преступлений против личности, преступлений против собственности в общей структуре преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации в 2018–2023 гг.

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Преступления против личности	14,2 %	13,3 %	12,5 %	12,7 %	12 %	11,7 %
Преступления против собственности	55,9 %	57,9 %	59,7 %	59,6 %	58,5 %	58,4 %

Таблица 6

Удельный вес убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в общей структуре преступлений и структуре преступлений против личности, зарегистрированных в Российской Федерации в 2018–2023 гг.

		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Убийства с покушениями	В общей структуре преступлений	0,43 %	0,39 %	0,37 %	0,36 %	0,38 %	0,38 %
	В структуре преступлений против личности	3 %	2,94 %	2,99 %	2,88 %	3,17 %	3,28 %
Умышленные причинения тяжкого вреда здоровью	В общей структуре преступлений	1,16 %	1,06 %	0,98 %	0,89 %	0,87 %	0,85 %
	В структуре преступлений против личности	8,18 %	7,94 %	7,8 %	7,04 %	7,24 %	7,34 %

Таблица 7

Удельный вес разбойных нападений, грабежей, краж, мошенничеств в общей структуре преступлений и структуре преступлений против собственности, зарегистрированных в Российской Федерации в 2018–2023 гг., а также краж и мошенничеств, следствие по которым не обязательно, в общей структуре преступлений, структуре преступлений против собственности и структуре преступлений своих видов

		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Разбойные нападения	В общей структуре преступлений	0,37 %	0,33 %	0,26 %	0,22 %	0,19 %	0,17 %
	В структуре преступлений против собственности	0,67 %	0,57 %	0,43 %	0,37 %	0,34 %	0,29 %
Грабежи	В общей структуре преступлений	2,51 %	2,26 %	1,87 %	1,57 %	1,46 %	1,14 %
	В структуре преступлений против собственности	4,5 %	3,9 %	3,14 %	2,63 %	2,49 %	1,95 %
Кражи	В общей структуре преступлений	37 %	38,2 %	36,7 %	36,6 %	34,9 %	29,9 %
	В структуре преступлений против собственности	67,9 %	66 %	61,5 %	61,3 %	59,6 %	51,3 %
В том числе, следствие по которым не обязательно	В общей структуре преступлений	11,5 %	11 %	10 %	10,8 %	11,9 %	10,1 %
	В структуре преступлений против собственности	20,6 %	19 %	16,8 %	18,1 %	20,3 %	17,3 %
	В структуре преступлений своего вида	30,4 %	28,9 %	27,4 %	29,5 %	34 %	33,8 %
Мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ)	В общей структуре преступлений	10,8 %	12,7 %	16,4 %	16,9 %	17,2 %	22,3 %
	В структуре преступлений против собственности	19,3 %	21,9 %	27,5 %	28,4 %	29,3 %	38,1 %
В том числе, следствие по которым не обязательно	В общей структуре преступлений	2,46 %	2,67 %	3,23 %	3,06 %	3,24 %	3,43 %
	В структуре преступлений против собственности	4,4 %	4,6 %	5,4 %	5,1 %	5,5 %	5,87 %
	В структуре преступлений своего вида	22,8 %	21 %	19,7 %	18 %	18,9 %	15,4 %

Проведенные расчеты показали, что в 2018 г. по отношению к 2017 г. произошло снижение общего массива преступности на 3,3 %, преступлений против личности – на 3,9 %, преступлений против собственности – на 4,1 %, убийств – на 12 %, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 5,4 %, разбойных нападений – на 17,9 %, грабежей – на 11,9 %, краж – на 4,1 %, мошенничеств – на 3,5 %. В последующие 2019–2022 гг. общее состояние преступности характеризовалось незначительным ростом, который составил 0,2 %.

При этом незначительный прирост массива общей преступности наблюдался в 2019 и 2020 гг. на 1,6 % и 1 % соответственно. Тогда как в 2021 г. и в 2022 г. наблюдалось снижение пре-

ступности на 1,9 % ежегодно. В 2023 г. продолжилось снижение общего массива преступности, по отношению к 2018 г. оно составило -2,2 %, а по отношению к 2022 г. – -1 %.

Количество преступлений против личности в целом и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в частности в эти годы значительно снижалось. В 2022 г. по отношению к предшествующему году произошел прирост убийств на 4 %, но в 2023 г. их количество снизилось на 2,1 %. В целом же в 2023 г. по отношению к 2018 г. число таких преступлений снизилось на 11 %, а количество умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 25,1 %.

Число преступлений против собственности в целом, разбойных нападений и грабежей в частности в эти годы снижалось, причем довольно интенсивно: в 2023 г. по отношению к 2018 г. показатели составили -46,8 % и -41,7 % соответственно, тогда как краж – всего -7,8 %.

Особую тревогу вызывает продолжавшийся, как и в 2013–2017 гг., рост числа мошенничеств. Так, по отношению к предшествующим годам, в 2019 г. их прирост составил 19,6 %, в 2020 г. – 30,5 % и в 2023 г. – 26,4 %. В 2023 г. прирост данных преступлений по отношению к 2018 г. составил 59,5 %.

Общий уровень преступности на 100 тыс. населения в рассмотренные годы значительных изменений не имел.

При этом уровень совершенных в 2018–2023 гг. мошенничеств имел устойчивый значительный рост и составил соответственно 146, 175, 229, 232, 236, 296 преступлений на 100 тыс. населения.

Структура преступности в рассмотренные годы больших изменений не претерпела, но необходимо отметить значительное снижение удельного веса разбойных нападений как в общей структуре преступности с 0,37 % до 0,17 %, так и в структуре преступлений против собственности с 0,67 % до 0,29 %. Аналогичную тенденцию имел удельный вес грабежей, снижение в рассмотренные годы в общей структуре преступности произошло с 2,51 % до 1,14 %, а в структуре преступлений против собственности – с 4,5 % до 1,95 %.

Исключением явилось значительное увеличение удельного веса мошенничеств, рост которых в 2018–2023 гг. в общей структуре преступности составил с 10,8 % до 22,3 %, а в структуре преступлений против собственности – с 19,3 % до 38,1 %. Анализируя тенденции состояния преступности и ее отдельных групп, можно говорить, что причинами увеличения удельного веса мошенничеств послужили в основном увеличение количеств совершения таких преступлений и в некоторой мере снижение удельного веса ряда иных видов преступлений.

Проанализировав тенденции состояния и развития преступности в Российской Федерации в 2018–2023 гг., можно говорить, что:

– общее состояние преступности в последние пять лет находилось на относительно стабильном уровне (при незначительном увеличении в 2019 и 2020 г. в 2021, 2022 и 2023 гг. наметились тенденции снижения общего массива преступности);

– количество преступлений против личности в целом, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, разбойных нападений, грабежей на протяжении всех проанализированных лет снижалось (особенно по двум последним видам преступлений);

– количество преступлений против собственности в 2019 и 2020 гг. возрастало, но в 2021, 2022 и 2023 гг. наметились тенденции к снижению (особенно краж);

– количество убийств до 2022 г. стабильно снижалось, но далее произошел рост на 4 %, определенные опасения вызывал данный процесс также в первом полугодии 2023 г.: так, за первый квартал рост составил 17,9 %, в апреле и мае – 15 % и 10,2 % соответственно; в целом же по итогам года при имевшемся снижении во втором полугодии произошло общее снижение на 2,1 %;

– на протяжении всего рассмотренного периода росло число мошенничеств, наиболее интенсивно в 2019 и 2020 гг. – на 19,6 % и 30,5 % соответственно, в 2023 г. также произошел их рост еще на 26,4 %, что в целом могло влиять на рост общего массива преступности и массива преступлений против собственности в указанные годы.

Результаты проведенного анализа позволяют говорить, что такой вид преступлений, как мошенничество, продолжает оставаться значительной, устойчивой, негативной проблемой в государстве. В связи с чем соответствующим государственным органам необходимо активно разрабатывать и внедрять новые методы противодействия данным преступлениям, более активно проводить мероприятия по их пресечению и предотвращению.

На современном этапе государственным и иным заинтересованным органам необходимо продолжить следовать проводимому курсу противодействия преступности, при этом усилив комплекс профилактических мероприятий в отношении лиц, совершающих убийства.

Примененные в исследовании не сложные в использовании математические методы статистического анализа дают правоохранителям и иным заинтересованным государственным и муниципальным органам широкую возможность своевременного контроля за состоянием криминогенной обстановки, указывают на тенденции ее изменения как в целом по стране, так и на отдельных территориях.

Библиографический список

1. Криминология: учебник / под ред. проф. Н. Ф. Кузнецовой, проф. В. В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 640 с.

2. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В. Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. 528 с.

3. Ульянов А. Д. Структурная модель оперативной обстановки // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 115–122.

4. Клишков В. Б., Пасынков В. В., Стебенева Е. В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 158–164.

5. Фомин С. А. Криминологические характеристики преступности и основные показатели характеристик преступности, ее отдельных групп и видов на современном этапе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 94–103.

6. Молоков В. В. Тенденции и зависимости показателей преступности Сибирского федерального округа в условиях изменения факторов развития общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3 (44). С. 107–113.

7. Гирько С. И. Современная преступность в Российской Федерации как вызов и угроза национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 21–28.

6. Molokov V.V. Trends and dependencies of crime indicators in the Siberian Federal District in the context of changing factors in the development of society // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (44). Pp. 107–113.

7. Girko S.I. Modern crime in the Russian Federation as a challenge and threat to national security // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (67). Pp. 21–28.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

References

1. Criminology: textbook / ed. prof. N. F. Kuznetsova, prof. V. V. Luneeva. 2nd ed., revised. and additional M.: Wolters Kluwer, 2004. 640 p.

2. Criminology: a textbook for universities / ed. prof. V. D. Malkova. 2nd ed., revised. and additional M.: JSC «Yustitsinform», 2006. 528 p.

3. Ulyanov A.D. Structural model of the operational situation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (64). Pp. 115–122.

4. Klishkov V.B., Pasyнков V.V., Stebeneva E.V. Crime and its main characteristics at the present stage // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4 (68). Pp. 158–164.

5. Fomin S. A. Criminological characteristics of crime and the main indicators of the characteristics of crime, its individual groups and types at the present stage // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (30). Pp. 94–103.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК 343.6

Потерпевший и его действия в механизме совершения убийств с привилегированным составом

Чихрадзе Анна Михайловна
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
aniamako@rambler.ru

Аннотация. В представленной статье рассмотрены специфические признаки потерпевших от убийств с привилегированным составом, а также особенности их поведения и место в механизме совершения указанной группы преступлений. Многогранность фигуры потерпевшего обусловила необходимость анализа этого понятия и его основных признаков не только с позиции уголовного права, но и уголовного процесса, криминологии, криминалистики. Выделены и проанализированы специфические признаки потерпевших от убийств с привилегированным составом, особенности их поведения, а также роли при совершении указанных общественно опасных деяний. Аргументирована необходимость обязательной оценки поведения потерпевшего с позиции предложенных объективного и субъективного аспектов их поведения и места в механизме совершения убийств с привилегированным составом.

Ключевые слова: убийства с привилегированным составом, потерпевший, противоправные действия, аморальные действия, механизм совершения преступления

Для цитирования: Чихрадзе А. М. Потерпевший и его действия в механизме совершения убийств с привилегированным составом // На страже закона. 2024. № 2. С. 46–53.

Original article

The victim and his actions in the mechanism of committing murder with privileged composition

Chikhradze Anna M.
Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Saint Petersburg, Russia,
aniamako@rambler.ru

© Чихрадзе А.М., 2024

Abstract. The presented article examines the specific characteristics of victims of privileged murders, as well as the characteristics of their behavior and their place in the mechanism of committing this group of crimes. The versatility of the figure of the victim has necessitated the analysis of this concept and its main features not only from the perspective of criminal law, but also the criminal process, criminology, and criminology. The specific characteristics of victims of murders and privileged members, the peculiarities of their behavior, as well as their roles in the commission of these socially dangerous acts are identified and analyzed. The need for a mandatory assessment of the victim's behavior from the perspective of the proposed objective and subjective aspects of their behavior and their place in the mechanism of committing murders with a privileged composition is argued.

Keywords: murders with a privileged composition, victim, illegal actions, immoral actions, mechanism of committing a crime

For citation: Chikhradze A. M. The victim and his actions in the mechanism of committing murder with privileged composition // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 46–53.

Совершению любого преступления, в том числе и убийства с привилегированным составом, всегда способствует ряд факторов объективного и субъективного характера, которые лишь в своей необходимой и достаточной совокупности могут повлечь для виновного лица заранее определенные в уголовном законе негативные юридические последствия. Всестороннее исследование механизма совершения указанных видов убийств предполагает изучения роли абсолютно всех субъектов, вовлеченных в преступную деятельность либо способствующих ей, поскольку правильная оценка данных противоправных деяний отличается особой сложностью как в правовом, так и в психологическом аспекте.

Актуальность представленного исследования обусловлена рядом факторов, среди них:

1. Практика применения судами уголовного законодательства позволяет констатировать, что поведение потерпевшего имеет значение для правильной квалификации действий виновного лица, поскольку негативное, аморальное, провоцирующее поведение потерпевшего позволяет дать всеобъемлющую правовую оценку поведению всех субъектов охранительного уголовного правоотношения, и, как правило, влечет смягчение наказания виновному.

2. Правильная квалификация преступления с учетом поведения потерпевшего оказывает непосредственное влияние на степень ответственности виновного лица и справедливость его наказания.

3. Совершение убийств с привилегированным составом, как правило, сопровождаются множественными факторами объективно-субъективного характера, которые оказывают су-

щественное психологическое воздействие на виновное лицо, а также на возможность его полной сознательно-волевой регуляции своего поведения. Одним из указанных факторов может быть и поведение потерпевшего.

4. Условием правильной квалификации действий виновного является выработка четких критериев оценки незаконного, аморального либо провокационного поведения потерпевшего.

Таким образом, целью представленной научной статьи является изучение роли потерпевшего и его поведения в механизме совершения убийств с привилегированным составом, что позволит дать комплексную правовую оценку совершенному деянию виновным лицом, соблюдая при этом базовые уголовно-правовые принципы, а также будет способствовать повышению эффективности правоприменения и укреплению принципа социальной справедливости.

Несмотря на кажущуюся простоту толкования термина «потерпевший», его общепринятое уголовно-правовое значение отсутствует в уголовном законодательстве, а наука характеризуется значительными разночтениями в этом вопросе. Кроме этого, понимание основополагающих признаков потерпевшего, отражающих особенности его правовой природы, имеет свои различия в отдельных областях юриспруденции, таких как уголовный процесс, криминология, криминалистика. Таким образом, прежде чем говорить о юридически значимых формах поведения потерпевшего в механизме совершения убийств с привилегированным составом, целесообразно исследовать значение термина «потерпевший».

Согласно ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора, суда»¹.

Ученые, исследующие правовое положение потерпевшего в уголовном праве и процессе, отмечают, что приведенное выше определение, хотя и содержится в УПК, однако отражает не только процессуальные признаки потерпевшего, но и материальные, то есть уголовно-правовые [1, с. 43]. Так, П. С. Дагель отмечает, что первое предложение дает именно материально-правовое понятие «потерпевший», а второе – определяет, при каких условиях потерпевший становится участником уголовного процесса, приобретает процессуальные права и обязанности [3, с. 11].

В уголовном процессе мнения ученых о потерпевшем разделены на две группы. Одни придерживаются того, что уголовно-процессуальный закон не должен содержать в себе материальных признаков потерпевшего, сосредоточившись исключительно на тех, которые определяют его уголовно-процессуальный статус. Другие же отмечают, что фигура потерпевшего возникает в принципе в случае причинения ему вреда, что определяется посредством судебного решения [3, с. 13]. Утвердить ответ на этот вопрос и означает признание лица потерпевшим в материально-правовом смысле данного понятия [4, с. 55].

Кроме этого, необходимо отметить, что с точки зрения уголовно-процессуального законодательства потерпевшими могут быть признаны не только лица, которым преступлением непосредственно был причинен вред, хотя в науке уже длительное время идет дискуссия по этому поводу. Так, Н. Я. Калашникова признает близких родственников убитого потерпевшими [5, с. 245]. В. П. Божьев, напротив, полагает, что они вообще не должны допускаться к участию в процессе ни в качестве потерпевших, ни в качестве их представителей, «так как на это родственники никем не уполномочены» [6, с. 33]. Видится целесообразным, разделить третью точку зрения, в соответствии с которой близкие родственники могут быть признаны

потерпевшими, поскольку, например, в случае убийства они непосредственно претерпевают негативные последствия указанного преступления.

В криминологии фигура потерпевшего и его поведения подлежит исследованию с позиции виктимологии. В этом случае понятие «потерпевший» значительно выходит за рамки уголовно-правового, поскольку изучает данное лицо (достаточно часто в криминологических исследованиях именуемое жертвой преступления) как элемент преступной ситуации. Таким образом, преступление может быть и не окончено, а потерпевшему вред в полном объеме не причинен. В указанном контексте также стоит отметить, что не стоит идентифицировать понятия «потерпевший» и «жертва преступления», поскольку последнее значительно шире, и они соотносятся как частное и общее [3, с. 18].

Криминалистическая характеристика потерпевшего выходит за рамки исследования особенностей и свойств его личности, поскольку сведения о нем и его поведении в окружающем мире позволяют установить многие обстоятельства преступного события, определить его причины и условия, целенаправленность и мотивацию виновного. Вышеуказанное имеет большое значение, так как при совершении преступных действий против личности преступники обычно не случайно выбирают определенных лиц объектами своих преступных посягательств. Криминалистическая сущность потерпевшего обычно проявляется в следующем: демографические данные (пол, возраст и т. д.); степень и характер нанесенного ему ущерба; способ и обстановка посягательства, выбранного преступником; психофизиологические особенности личности потерпевшего; ценностные ориентиры; образ жизни и т. п. [7, с. 95].

Наука уголовного права наряду с исследованием правового статуса субъекта преступления также уделила значительное внимание правовому положению и месту в механизме совершения уголовно-наказуемого деяния потерпевшего. Но в силу многогранности данного понятия к единому мнению ученые так и не пришли. Так, А. Н. Красиков понимает под ним «физическое лицо, в отношении интересов которого совершено оконченное или неоконченное преступное посягательство» [8, с. 66].

Н. С. Таганцев отмечал, что потерпевшим от преступления может быть лицо, совокупность лиц, юридическое лицо, а также государство, если преступлением им непосредственно причинен вред либо создана опасность его причи-

¹ Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2001. 22 декабря.

нения [9, с. 13]. Указанное определение получило значительную поддержку в науке и, стоит отметить, что современные ученые нередко соглашаются с ним, разрабатывая при этом и собственные авторские дефиниции. Например, И. А. Фаргиев также помимо юридических лиц относит к потерпевшему государство и общество в целом [10, с. 88].

Как можно увидеть из приведенных определений, уголовно-правовое определение термина потерпевший сосредотачивает внимание на двух аспектах:

- 1) субъектном составе;
- 2) вреде, который причиняется либо может быть причинен данному лицу.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова вред – это ущерб, порча [11, с. 734]. Исследования юридического характера акцентируют внимание на конкретном виде вреда, который может быть причинен потерпевшему.

И. А. Фаргиев указывает: «Потерпевший от преступления – это лицо, выступающее субъектом отношений, охраняемых уголовным законом, причиненный которому вред предусмотрен уголовным кодексом и входит в преступные последствия деяния, совершенного виновным» [10, с. 100]. Однако ни уголовное, ни уголовно-процессуальное законодательство не содержит определение самого вреда, причиняемого преступлением потерпевшему, перечисляя лишь его виды, поэтому считаем, что целесообразно согласиться с мнением, высказанным в уголовно-правовой науке ранее. Так, Б. А. Протченко, давая определение потерпевшего, отмечает, что это гражданин, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный вред [12, с. 82].

Таким образом, фигура потерпевшего является объектом исследования различных областей юриспруденции, в частности уголовного права, уголовно-процессуального права, криминологии, криминалистики. Каждая из указанных сфер наполняет содержание термина «потерпевший» собственными особенностями, исходя из задач, которые стоят перед ними.

Потерпевшими от убийств с привилегированным составом являются исключительно физические лица. При чем не каждое лицо может быть потерпевшим от указанной группы преступлений. Они характеризуются строго определенными признаками, которые непосредственно указаны в уголовном законе. Так, каждому составу привилегированного убийства свойственен свой потерпевший. Именно их признаки позволяют правильно квалифицировать совершенное уголовно-наказуемое де-

яние, дать надлежащую правовую оценку действиям виновного лица, ограничить смежные составы преступлений.

Согласно законодательной формулировке ст. 106 УК РФ потерпевшим от этого вида убийства с привилегированным составом может быть исключительно новорожденный ребенок. Плюрализм научных мнений относительно признаков новорожденности негативно сказывается на практике, поскольку с момента принятия УК РФ не выработаны единые критерии определения новорожденности ребенка в контексте указанной нормы права.

Так, в комментарии к УК РФ под редакцией М. В. Лебедева этот временной промежуток определяется 3–6 неделями [13, с. 568]. Иные схожие источники период новорожденности определяют как месяц. А. Н. Попов, В. Ю. Касторнова предлагают считать новорожденным ребенка в возрасте до 28 дней жизни [14, с. 33; 15, с. 7]. Ю. М. Антонян, М. В. Гончарова, Е. Б. Кургузкина определяют продолжительность периода новорожденности как 168 часов (одна неделя), основываясь на особенностях физиологического и психического состояния человека [16, с. 98]. Ученые также отмечают, что указанный период должен служить лишь ориентиром, поскольку индивидуальные особенности развития новорожденного в каждом конкретном случае характеризуются своей неповторимостью.

Кроме этого, в науке уголовного права существует мнение о целесообразности указания в диспозиции ст. 106 УК РФ на то, что потерпевшим может быть также рождающийся ребенок, поскольку она допускает совершение указанного вида убийства во время родов, когда ребенок еще не отделен от организма матери [17, с. 57].

С указанным доводом отчасти можно согласиться, однако все же считаем, что это предложение не способно в полной мере разрешить проблемы, связанные с квалификацией преступления, поскольку анализ судебной практики показывает, что данное противоправное деяние, как правило, совершается уже после родов, когда ребенок уже юридически считается новорожденным. Полагаем, что законодатель при конструировании ст. 106 УК РФ именно таким образом стремился указать на то, что уголовный закон уже в процессе родов охраняет жизнь рождающегося ребенка, и посягательство на нее недопустимо.

Рассуждения о «поведении» потерпевшего новорожденного ребенка как условия совершения преступления в контексте ответствен-

ности по ст. 106 УК РФ совсем не корректны, поскольку указанное преступление происходит в силу комплекса иных обстоятельств объективно-субъективного характера. Выделение указанного состава убийства в разряд привилегированных никак не связано с фигурой потерпевшего, которая, по нашему мнению, напротив нуждается в усилении уголовно-правовой охраны его жизни. Указанный состав является таковым не в силу провокационного либо аморального поведения потерпевшего, поскольку новорожденный ребенок просто объективно не в состоянии совершить подобных действий, а вследствие изменений психофизиологического характера, которые происходят в организме женщины-роженицы из-за беременности, родов, а также возможной объективно сложившейся психотравмирующей ситуации. Потерпевшие от убийств с привилегированным составом, предусмотренных ст. 107 и 108 УК РФ, напротив, характеризуются определенными особенностями своего поведения в механизме совершения указанных преступлений, которые и предопределяют существенное смягчение уголовной ответственности в отношении виновных лиц.

Потерпевшим от привилегированного убийства, установленного в ст. 107 УК РФ «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», может быть исключительно лицо, чьи незаконные либо аморальные действия находятся в причинно-следственной связи с возникновением у виновного лица состояния сильного душевного волнения. Как отмечает Н. А. Лопашенко, «...отчасти в этом убийстве есть вина самого потерпевшего» [18, с. 567].

Действия потерпевшего, которые, как указывается в диспозиции ст. 107 УК РФ, должны:

- 1) в обязательном порядке носить противозаконный, аморальный характер;
- 2) совершаться в отношении виновного лица либо его близких;
- 3) совершаться систематически;
- 4) иметь причинно-следственную связь с действиями виновного лица.

Поскольку ч. 2 ст. 107 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за убийство двух и более лиц, которое совершено в состоянии аффекта, установление подобного соответствия необходимо между поведением потерпевшего и уголовно-наказуемыми действиями каждого из виновных лиц. На это же обстоятельство указывает и Г. Н. Борзенков: если виновный в состоянии аффекта (сильного душевного волнения) посягает не только на жизнь потерпевшего, то его действия нель-

зя квалифицировать по ч. 2 ст. 107 УК РФ [19, с. 141]. В подобном случае отсутствует основание для применения привилегированной нормы. Если же посягательство было осуществлено в отношении лиц, которые не совершали насильственных или незаконных действий в отношении виновного, деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

С содержательной стороны негативное поведение потерпевшего выражается в причинении насилия, издевательства или тяжком оскорблении, иных противоправных или аморальных действиях (бездействии), а также в создании длительной психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего¹. Необходимо отметить, что указанные действия корреспондируют с таким современным интернет-явлением как кибербуллинг. Этот термин используется для описания аморального, вызывающего поведения или травли в интернете либо в электронных средствах общения. Как в отечественном, так и в зарубежном уголовном законодательстве не выработан единый подход к его правовой оценке, однако исследователи отмечают его крайне высокую степень общественной опасности.

Таким образом, в контексте уголовной ответственности по ст. 107 УК РФ нельзя исключать возможности психологического насилия, оскорблений и издевательства со стороны потерпевшего посредством использования возможностей электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. Точное установление соответствующих связей этого негативного социального явления с вышеперечисленными объективными и субъективными признаками рассматриваемого состава преступления, по нашему мнению, позволит уже сейчас квалифицировать негативное поведение потерпевшего и использование им электронных и информационно-телекоммуникационных сетей в механизме совершения убийств в состоянии аффекта [20, с. 265].

Статья 108 УК РФ фактически содержит два состава преступления, таким образом, потерпевших также делят на две категории. Во-первых, в соответствии с ч. 1 данной статьи это лицо, совершающее общественно опасное посягательство, в отношении которого виновный применяет меры необходимой обороны с по-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

следующим превышением законных пределов. Во-вторых, по ч. 2 ст. 108 УК РФ потерпевшим является лицо, совершившее преступление, в отношении которого с превышением пределов виновный принимает меры к задержанию.

Поведение потерпевшего в механизме совершения указанных преступлений в некоторых исследованиях рассматривается через призму «вины потерпевшего». Однако в данном случае речь идет о вине не в уголовно-правовом значении, а в криминологическом. Как отмечает Э. Л. Сидоренко, отрицательное поведение потерпевшего выступает внешним фактором, который оказывает влияние на действия субъекта преступления, преломляясь через его сознание [3, с. 78]. Таким образом, предлагаем рассматривать указанное понятие «вина потерпевшего» в плоскости уголовного права через объективный и субъективный аспект дифференциации уголовной ответственности за убийство с учетом поведения потерпевшего.

Объективный критерий заключается в том, что убийствам с привилегированным составом, предусмотренным ст. 107 и 108 УК РФ, обязательно предшествует поведение потерпевшего, которое носит противоправный (побои, удары), аморальный характер (оскорбления, издевательства), в отдельных случаях достигшее степени общественной опасности преступления. Вариации проявления поведения потерпевшего исчерпывающе указаны в соответствующих статьях УК РФ.

Субъективный критерий проявляется в том, что подобное поведение потерпевшего, предшествующее во времени совершенному виновным уголовно-наказуемому деянию (в контексте ст. 107 УК РФ) либо создавшее обстановку необходимой обороны или задержания лица (ст. 108 УК РФ), оказывая непосредственное влияние на субъективное отображение сложившейся ситуации в психике виновного, является основным катализатором совершения общественно опасного деяния.

Таким образом, совершение любого преступления, в том числе и убийства с привилегированным составом, требует предоставления юридической оценки действий всех лиц, не исключая и потерпевшего, фигура которого является объектом исследования различных сфер юридического знания, однако не все они (даже уголовное право) имеют законодательную либо общепринятую дефиницию «потерпевший», вкладывая свое значение в ее содержание исходя из задач, которые необходимо разрешить.

Потерпевшие от убийств с привилегированным составом, предусмотренных в ст. 106–108 УК РФ, обладают рядом специфических, хотя и неоднородных признаков, а также, как правило, характеризуются особым негативным предшествующим преступлению поведением. Установление места указанных поведенческих особенностей потерпевших в механизме убийств с привилегированным составом позволило сделать вывод о том, что каждая из исследуемых групп потерпевших своим предшествующим совершению преступления поведением благоприятствует созданию ситуации, которая способствует совершению противоправных деяний, являясь ее катализатором. При этом подобное поведение следует рассматривать с позиции двух критериев: объективного (поведение потерпевшего, предшествующее совершению преступления, носит объективно противоправный, аморальный характер, в отдельных случаях достигая степени общественной опасности преступления) и субъективного (указанные формы поведения потерпевшего оказывают непосредственное влияние на субъективное отображение сложившейся ситуации в психике виновного и являются основным катализатором совершения общественно опасного деяния). Исключение составляет новорожденный ребенок, который в силу объективных физиологических причин просто не способен выполнить вышеуказанную роль в механизме совершения преступления, однако специфика его признаков как потерпевшего позволяет отграничить смежные составы и квалифицировать действия виновного по привилегированной норме при наличии иных обстоятельств, существенно снижающих степень общественной опасности совершенного общественно опасного деяния.

Библиографический список

1. Фаргиев И. А. Уголовно-правовое значение личности и поведения потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 173 с.
2. Потерпевший от преступления: монография / отв. ред. П. С. Дагель; отв. за вып. Р. И. Михеев. Владивосток: Дальневосточный университет, 1974. 217 с.
3. Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и Уголовный закон. СПб: Юридический центр Пресс, 2003. 378 с.
4. Радеваи Р. [и др.] Защита прав потерпевшего в уголовном процессе: (Сравнит. исслед.); отв. ред. А. М. Ларин. М.: Наука, 1993. 244 с.
5. Калашникова Н. Я. Расширение прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве //

Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. 278 с.

6. Божьев В. Процессуальное положение потерпевшего // Советская юстиция. М.: Госюриздат, 1959. № 9. С. 31–34.

7. Кушхов Р. Х. Потерпевший как элемент криминалистической характеристики преступления // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 94–96.

8. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1978. 120 с.

9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: в 2 ч. М.: Юрайт, 2024. Ч. 2. 446 с.

10. Фаргиев И. А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. 430 с.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Изд-во АСТ: Мир и Образование, 2018. 1360 с.

12. Протченко Б. А. Потерпевший как субъект уголовных правоотношений // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 78–83.

13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный / отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт-Издат, 2013. 1077 с.

14. Попов А. Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). СПб., 2001. 68 с.

15. Касторнова В. Ю. Уголовно-правовая характеристика и криминологический анализ убийства матерью новорожденного ребенка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 23 с.

16. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка // Противодействие преступности. 2018. № 3 (136). С. 94–114.

17. Тасаков С. В. Ответственность за убийство при смягчающих обстоятельствах по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2000. 210 с.

18. Лопашенко Н. А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 656 с.

19. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. М.: Зерцало-М, 2006. 144 с.

20. Чихрадзе А. М. Использование электронных и информационно-телекоммуникационных сетей как средства совершения провокационных действий потерпевшим в контексте уголовной ответственности за убийство, со-

вершенное в состоянии аффекта // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)): материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 г. / под общ. ред. А. А. Сапожкова. СПб: СПбИ (ф) УП РФ, 2024. С. 258–267.

References

1. Fargiev I. A. Criminal legal significance of the personality and behavior of the victim: dis. ... cand. legal sci. M., 1997. 173 p.

2. Victim of a crime: monograph / Ministry of Higher and Secondary Special Education of the RSFSR, Far Eastern University [FEGU]; resp. ed. P. S. Dagal; resp. per issue R. I. Mikheev. Vladivostok: Far Eastern University [FEGU], 1974. 217 p.

3. Sidorenko E. L. Negative behavior of the victim and the Criminal Law // «Legal Center», 2003. 378 p.

4. Radeva R. [et al.] Protection of the rights of the victim in criminal proceedings: (Comparative research) / rep. ed. A. M. Larin. M.: Nauka, 1993. 244 p.

5. Kalashnikova N. Expansion of the rights of the victim in criminal proceedings // Issues of legal proceedings and judicial organization in the new legislation of the USSR. M., 1959. 278 p.

6. Bozhyev V. Procedural position of the victim // Soviet justice. M.: Gosyurizdat, 1959. No. 9. Pp. 31–34.

7. Kushkhov R. The victim as an element of the forensic characteristics of a crime // Theory and practice of social development. 2015. No. 8. Pp. 94–96.

8. Krasikov A. N. The essence and significance of the victim's consent in Soviet criminal law. Saratov, 1978. 120 p.

9. Tagantsev, N. S. Russian criminal law in 2 hours. Part 2 / N. S. Tagantsev. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 446 p.

10. Fargiev I. A. Criminal legal and criminological foundations of the doctrine of the victim. SPb: Legal Center Press, 2009. 430 p.

11. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions / ed. prof. L. I. Skvortsova. 27th ed., rev. M.: Publishing house AST: Mir and Education, 2018. 1360 p.

12. Protchenko B. A. The victim as a subject of criminal legal relations // Soviet state and law. 1989. No. 11. Pp. 78–83.

13. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: article by article / rep. ed. V. M. Lebedev. M.: Yurait-Izdat, 2013. 1077 p.

14. Popov A. N. Murder by a mother of a newborn child (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation). SPb, 2001. 68 p.

15. Kastornova V. Yu. Criminal-legal characteristics and criminological analysis of the murder of a newborn child by a mother: abstract. dis. ... cand. legal sci. Rostov n/d, 2004. 23 p.

16. Antonyan Yu. M., Goncharova M. V., Kurguzkina E. B. Murder by a mother of a newborn child // Countering crime. 2018. No. 3 (136). Pp. 94–114.

17. Tasakov S. V. Responsibility for murder under mitigating circumstances under Russian criminal law: dis. ... cand. legal sci. Cheboksary, 2000. 210 p.

18. Lopashenko N. A. Study of murders: law, doctrine, judicial practice: monograph. M.: Yurlitinform, 2018. 656 p.

19. Borzenkov G. N. Qualification of crimes against life and health. M.: Zertsalo-M, 2006. 144 p.

20. Chikhradze A. M. The use of electronic and information-telecommunication networks as a means of committing provocative actions by victims in the context of criminal liability for murder committed in a state of passion // Criminal law of Russia: state and prospects (crimes committed using the media or electronic or information -on-telecommunication networks (including the Internet): materials of the IX All-Russian scientific and practical conference «Volzhenkin Readings», St. Petersburg, November 24, 2023 / under general ed. A. A. Sapozhkova. SPb: SPbI (f) UP RF, 2024. Pp. 258–267.

Информация об авторе

Чихрадзе Анна Михайловна – кандидат юридических наук

Information about the author

Chikhradze Anna M. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 13.05.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024;
принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 20.05.2024; accepted
for publication 21.05.2024

Трибуна молодых ученых

Научная статья

УДК 343

Взгляд соискателя на отдельные проблемные вопросы уголовной ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ), отмеченные официальным оппонентом

Ефарова Марина Николаевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург,

Россия, solovyova11557@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8521-5291>

Аннотация. В научной статье представлены аргументированные ответы на замечания, поступившие от официального оппонента кандидата юридических наук, кандидата технических наук Хромова Евгения Владиленовича на подготовленное диссертационное исследование по теме «Уголовная ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ)», представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Ключевые слова: диссертация, официальный оппонент, движение и эксплуатация, транспортное средство

Для цитирования: Ефарова М. Н. Взгляд соискателя на отдельные проблемные вопросы уголовной ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ), отмеченные официальным оппонентом // На страже закона. 2024. № 2. С. 54–57.

Original article

The applicant's view on certain problematic issues of criminal liability for actions that threaten the safe operation of vehicles (article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), noted official opponent

Efarova Marina N.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

solovyova11557@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8521-5291>

© Ефарова М.Н., 2024

Abstract. The scientific article presents reasoned responses to comments received from the official opponent of the candidate of legal sciences, candidate of technical sciences Evgeniy Vladilenovich Khromov on the dissertation research prepared by the author of the scientific article on the topic: «Criminal liability for actions that threaten the safe operation of vehicles (article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)», submitted for the academic degree of Candidate of Legal Sciences in specialty 5.1.4. Criminal law sciences.

Keywords: dissertation, official opponent, movement and operation, vehicle

For citation: Efarova M. N. The applicant's view on certain problematic issues of criminal liability for actions that threaten the safe operation of vehicles (article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), noted official opponent // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 54–57.

С искренней признательностью выражаю слова благодарности кандидату юридических наук, кандидату технических наук Хромову Евгению Владилениовичу за глубокое погружение в проблему при изучении моего диссертационного исследования, а также ценные, справедливые замечания и положительную оценку данного труда. Безусловно, следует согласиться с замечаниями и пожеланиями, указанными в отзыве [1], однако по отдельным из них хотелось бы высказать авторскую позицию.

В первом замечании официальным оппонентом отмечается, что в 2011 г. запрет на исследуемое деяние предлагалось ввести в ст. 213.1 УК РФ и, принимая это во внимание, в тексте работы следовало бы высказать суждения по вопросу правильности подхода законодателя к определению видового объекта преступления. Полагаем, что расположение проектируемой 13 лет назад нормы определялось тесной взаимосвязью анализируемого деяния с деянием, изложенным в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, предусматривающим ответственность за «хулиганство на транспорте». Настоящее расположение ст. 267.1 УК РФ в структуре норм гл. 27 УК РФ обосновано, поскольку наказуемое по данной статье деяние нарушает именно отношения безопасной эксплуатации транспортных средств, тогда как при «хулиганстве на транспорте» вред причиняется отношениям, связанным с обеспечением общественного порядка.

Что касается второго замечания, связанного с отсутствием критической оценки явной недостаточности существующих мер гражданско-правового и административного воздействия угрозам безопасной эксплуатации транспортных средств, подчеркнем, что анализ степени общественной опасности исследуемого деяния позволил сделать вывод о принципиальной неосуществимости эффективного про-

тиводействия такому поведению с помощью административно-правовых мер. Совершение в отношении источника повышенной опасности действий, которые создают реальную и непосредственную угрозу жизни или здоровью человека, требует установления крайних мер реагирования – уголовных. При этом мы не исключаем применения существующих мер гражданско-правового воздействия при возмещении вреда.

В третьем замечании уважаемый Евгений Владилениович отмечает, что проведенный в диссертации анализ зарубежного опыта противодействия подобным фактам в странах СНГ и ФРГ представляется недостаточным, поскольку первые случаи «лазерного хулиганства» зафиксированы в США, Канаде, Центральной и Западной Европе. Стоит признать, что рассмотрение зарубежного опыта уголовно-правовых мер борьбы с действиями, угрожающими безопасной эксплуатации транспортных средств, не было определено нами в качестве задачи исследования, но интересовало в качестве возможного примера практики конструирования норм об ответственности за аналогичное деяние. Борьба с первыми случаями «лазерного хулиганства» в указанных оппонентом странах проводилась путем введения запрета на использование населением лазерных указок не по назначению. С 2012 г. противодействие таким деяниям осуществлялось уже уголовно-правовыми средствами. Так, Уголовный закон США (параграф 39А) считает наказуемым «наведение лазерной указки на воздушное судно»¹. Статьей 77 Уголовного кодекса Канады регламентирована ответственность за создание угрозы безопасности воздушного судна

¹ 18 U.S. Code Chapter 2 – AIRCRAFT AND MOTOR VEHICLES. URL: <https://www.law.cornell.edu>

или аэропорта¹. Законодательство Швейцарии предусматривает уголовную ответственность за нарушение деятельности общественного транспорта, если деяние связано с опасностью жизни и здоровья многих людей². Статья 280 Уголовного кодекса Литовской Республики предусматривает ответственность за повреждение объектов транспортной структуры, создавшее угрозу тяжких последствий³.

Абсолютно справедливо отмечено в четвертом замечании, что в тексте диссертации не отражена возможность конфискации транспортного средства, используемого виновным в качестве орудия или средства совершения преступления, предусмотренного ст. 267.1 УК РФ. Действительно, случаи совершения действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, с помощью использования иного транспортного средства в качестве средства совершения преступления предусматривает его конфискацию по п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Следует согласиться с уточнением официального оппонента, высказанного в пятом замечании по поводу разграничения п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ от ст. 267.1 УК РФ. Не попытка открытия двери самолета в процессе полета, то есть воздействие на рычаги отпирания (запирания), а ложная демонстрация намерения ее открытия при наличии к тому оснований может быть квалифицирована по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

В шестом замечании указывается, что сложно согласиться с квалификацией по ст. 267.1 УК РФ действий, угрожающих безопасности эксплуатации полетов военных самолетов и препятствующих движению бронепоездов железнодорожных войск. Также в качестве недостатка исследования Евгений Владиленич отмечает отсутствие авторских критериев разграничения анализируемого состава от деяний, предусмотренных ст. 205, 281, 347, 350, 351, 352 УК РФ и ст. 11.15, 12.33 КоАП РФ.

Нужно сказать, что характер общественной опасности деяний, совершенных в отношении обычного транспортного средства и в отношении транспортного средства военного назначения, одинаков. И в том, и в другом случаях претерпевают вред общественные отношения в сфере их безопасной эксплуатации. Кроме

того, согласно ст. 331 УК РФ и п. 85 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»⁴ субъектом преступлений против военной службы могут быть только военнослужащие, проходящие военную службу по призыву или по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе во время прохождения ими военных сборов. Изложенными обстоятельствами обусловлен наш вывод относительно того, что транспортные средства, состоящие на вооружении Вооруженных сил РФ, являются при наличии к тому оснований предметом преступления, предусмотренного ст. 267.1 УК РФ, и необходимости разграничения ее состава с преступлениями против военной службы не возникает.

Критерии отграничения действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, и террористического акта рассматривались в научной статье, на которую есть ссылка на страницах диссертации. Признаки, позволяющие отграничивать исследуемое деяние от диверсии, аналогичны: объект, которому непосредственно причиняется вред; цель и мотив преступного поведения; роль транспортного средства и его юридически значимое свойство.

Разграничение ст. 267.1 УК РФ от ст. 11.15 и 12.33 КоАП РФ необходимо осуществлять в зависимости от того, создавали ли такие действия реальную и непосредственную угрозу жизненно-важным интересам.

В седьмом замечании обращается внимание на то, что в ходе исследования не подверглись критическому анализу работы профессора Шарапова Романа Дмитриевича [2; 3] по проблемам квалификации преступлений, предусмотренных ст. 267.1 УК РФ, и отграничения их от смежных составов преступлений и административных правонарушений. Действительно, научные труды данного автора не подверглись критическому анализу, однако были изучены. Большинство из них мы поддерживаем, за исключением вопросов соотношения ст. 267.1 УК РФ и ч. 1 ст. 267 УК РФ и определения субъекта исследуемого деяния.

В восьмом замечании, связанном с правилами квалификации преступлений-способов и преступлений-результатов, мы поддерживаем несогласие уважаемого Евгения Владиленичи

¹ Criminal Code. URL: <https://laws-lois.justice>.

² Уголовный кодекс Швейцарии (перевод). URL: <https://www.rosmedlib.ru>.

³ Уголовный кодекс Литовской республики. URL: <https://studylib.ru>

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». URL: <https://www.consultant.ru>

ча с выводом о квалификации по совокупности в том случае, когда действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, выступали способом совершения умышленных преступлений против жизни или здоровья.

Весьма дискуссионным и располагающим к полемике нам кажется суждение о юридической оценке содеянного по совокупности ст. 267.1 и 168 УК РФ («Уничтожение или повреждение чужого имущества вследствие неосторожного обращения с источником повышенной опасности»), которое было отмечено официальным оппонентом в девятом замечании. Представляется, что квалификация действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, совершаемых путем воздействия на лицо, управляющее транспортным средством, возможна по совокупности со ст. 168 УК РФ. Однако мы исключаем возможность юридической оценки содеянного по совокупности в том случае, когда результат воздействия на само транспортное средство, подвергающееся угрозе, приводит к развитию событий, при которых наступают последствия в виде его уничтожения или повреждения, поскольку применение ст. 168 УК РФ ограничено юридически значимым способом – неосторожным обращением с источником повышенной опасности, а для анализируемого деяния характерны только умышленные действия.

В заключительном замечании уважаемый Евгений Владиленич отмечает, что для практической значимости результатов исследования следовало бы сформулировать временные и пространственные критерии непосредственности возникновения угрозы безопасности эксплуатации транспортных средств при совершении деяния, запрещенного ст. 267.1 УК РФ. Нужно сказать, что это критерии оценочные, которые надлежит устанавливать в каждом конкретном случае, поскольку время и расстояние, необходимые для предотвращения опасности, различны для каждого вида транспортного средства. При определении непосредственности угрозы необходимо учитывать степень вероятности причинения вреда в краткосрочной перспективе. Иными словами учитывать ситуацию, когда отсутствие мер реагирования неминуемо влечет наступление последствий.

Библиографический список

1. Хромов Е. В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Ефаровой Марины Николаевны на тему «Уголовная ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуа-

тации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ)», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки // На страже закона. 2024. № 1. С. 21–26.

2. Шарапов Р. Д., Шатилович С. Н., Зворыгина С. А. Субъект транспортного преступления: монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. 114 с.

3. Шарапов Р. Д. Транспортное хулиганство // Криминалист. 2023. № 2 (43). С. 132–137.

References

1. Khromov E.V. Feedback from the official opponent on Marina Nikolaevna Efarova's dissertation on the topic "Criminal liability for actions that threaten the safe operation of vehicles (Article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)", submitted for the academic degree of Candidate of Legal Sciences in specialty 5.1.4. Criminal law sciences // On guard of the law. 2024. No. 1. P. 21–26.

2. Sharapov R.D., Shatilovich S.N., Zvorygina S.A. Subject of transport crime: monograph. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 114 p.

3. Sharapov R. D. Transport hooliganism // Criminalist. 2023. No. 2 (43). pp. 132–137.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.05.2024

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 343

Вопросы обоснованности уголовного правотворчества

Маслов Вилли Андреевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,

vmaslov-lex@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются доктринальные точки зрения на проблемы уголовного правотворчества и роль криминологической экспертизы при формировании уголовного законодательства. Отмечается, что отсутствие должной криминологической обоснованности внесения изменений в законодательство предопределено спецификой объективных свойств гуманитарного знания.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, уголовное правотворчество, криминологическая обоснованность законопроектов, криминологическая экспертиза законопроектов

Для цитирования: Маслов В. А. Вопросы обоснованности уголовного правотворчества // На страже закона. 2024. № 2. С. 58–62.

Original article

Issues of validity of criminal lawmaking

Maslov Willi A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,

vmaslov-lex@yandex.ru

Abstract. The article examines doctrinal points of view on the problems of criminal lawmaking and the role of criminological expertise in the formation of criminal legislation. It is noted that the problems of the lack of proper criminological justification for introducing changes to legislation are predetermined by the specifics of the objective properties of humanitarian knowledge.

Keywords: criminal law policy, criminal lawmaking, criminological validity of bills, criminological examination of bills

For citation: Maslov W. A. Issues of validity of criminal lawmaking // Law Enforcement. 2024. № 2. Pp. 58–62.

© Маслов В.А., 2024

Соглашаясь с высказыванием Ю. В. Недотко, согласно которому «законотворческая деятельность государственной власти является определяющей для характеристики качественного состояния уголовно-правовой политики» [1, с. 7], отметим, что доктринальные оценки современного состояния уголовной политики России не могут не вызывать озабоченности. Так, ряд исследователей указывают на отсутствие цели уголовно-правовой политики и связанной с этим бессистемностью и разнонаправленностью изменений и дополнений уголовного закона, а также криминологическую и социальную необоснованность целого ряда нормативных предписаний уголовного закона [2]. Иные авторы говорят, что «первоочередными должны быть не постоянные изменения законодательства, а разработка единой уголовной политики, ее стратегии, определяющей вектор развития отраслевых закономерностей» [3, с. 648], отмечают отсутствие научной обоснованности законодательства [4, с. 18], справедливо подчеркивают, что уголовная политика должна быть «криминологически глубоко обоснованной, а не умозрительной, как нынешняя отечественная политика» [5, с. 440].

В свете высказываний о провокативных свойствах уголовного закона, о его способности «создавать» преступность, ввиду того, что на первый план выходят вопросы кримино-стимулирования, понимаемого авторами как «сознательно или неосознанно заложенный правотворцем в уголовный закон дефект, благодаря которому создаются условия для совершения преступлений либо интенсификации преступной деятельности» [6, с. 80], как никогда актуальным видится обращение к вопросу о требованиях, предъявляемых к уголовному правотворчеству.

Так, интерес представляет точка зрения А. И. Бойко, согласно которой к уголовному правотворчеству предъявляются такие требования, как:

- а) законодательствование не на сегодняшний день, а с упреждением;
- б) обязательное производство беспристрастных научных экспертиз всех законопроектов по борьбе с преступностью;
- в) абсолютная необходимость криминологического обоснования всех изменений в УК РФ;
- г) использование таких языковых средств описания криминальных поступков, чтобы лексического запаса диспозиций хватало и на существующую, и на прогнозируемую преступность;

д) введение законодательного эксперимента, означающего самый последний вариант парламентского реагирования на жизнь, в форме распространения новеллы только на часть территории страны [7, с. 29].

Поддерживая данные тезисы в целом, нельзя не отметить, что реализация законодательного эксперимента несколько затруднена, так как отечественная правовая система не предполагает возможности регулирования уголовно-правовых правоотношений на региональном уровне. Безусловно, в условиях бланкетности ряда норм, содержащихся в УК РФ, можно говорить о некоторой региональной специфике, однако о полноценном законодательном эксперименте как способе подтверждения или опровержения гипотезы о влиянии на преступность принимаемых норм говорить не приходится.

При этом очевиден и важен акцент, расставляемый А. И. Бойко на упреждающем потенциале.

Говоря о требованиях к уголовному законодательству, А. И. Парог справедливо отмечает, что все изменения уголовного закона «должны отвечать требованиям социальной обусловленности, системности и научной обоснованности» [8, с. 24].

Изложенные Т. Р. Сабитовым принципы уголовно-правового нормотворчества: полнота состава (принцип законности), достаточность запрета (принцип умеренности уголовно-правового воздействия), беспробельность закона (принцип обязательности применения мер уголовно-правового воздействия) [9, с. 13], также по существу выступают требованиями к уголовному правотворчеству.

М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин отмечают, что «интеллектуальное обеспечение уголовной политики состоит не только в наличии или отсутствии субъектов, создающих информационно-аналитические материалы, и готовности (желании, способности) органов власти воспользоваться ими при принятии решений. Более значимой и острой является проблема качества интеллектуальных ресурсов, определяемая, в том числе, совокупностью знаний и мыслительных способностей профессиональных аналитических работников» [10, с. 58]. Данные авторы справедливо указывают, что объективная реальность состоит в том, что субъекты, ответственные за разработку и нормативное оформление уголовной политики, «не могут быть в подлинном смысле этого слова специалистами в области уголовной политики», всем, кто активно участвует в про-

цессе формирования уголовной политики необходим определенный базовый минимум, без которого «нельзя говорить о правовой и политической культуре разработчиков проектов, законодателей, правоприменителей» [10, с. 58].

Эти же авторы отмечают, что предупредить провокативные свойства уголовного закона необходимо посредством «тщательной проработки текста разрабатываемых и принимаемых уголовно-правовых актов, их обоснования и ставших почти традиционными правовой и антикоррупционной экспертизы» [6, с. 89].

При этом недопустимо антикоррупционную экспертизу приравнивать к криминологической, на что в свое время указал С. С. Босхолов, отметив, что «именно криминологическая экспертиза, но отнюдь не антикоррупционная, может дать ответ на вопрос, насколько обоснованным с указанных позиций (политической, экономической и нравственной – прим. автора) является исследуемый нормативно-правовой акт (или его проект), является ли он адекватным реальным возможностям системы уголовной юстиции (органов дознания, следствия, судов) применения его на практике и т. д.» [11, с. 30].

С учетом указанного стоит поддержать идею проведения антокриминообразующей экспертизы законопроектов криминального толка, цель которой может быть обозначена как проверка законопроекта на полное соответствие принципам и правилам криминализации и пенализации общественно опасных деяний. Стоит согласиться и с точкой зрения С. Ф. Милюкова о том, что «вопрос о тщательной криминологической экспертизе всех без исключения норм уголовного закона по-прежнему актуален и имеет не только теоретический, но прежде всего сугубо прикладной характер» [12].

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания подобной деятельности, представляется обоснованным считать вопросы «криминообразования» неотъемлемой частью криминологической экспертизы и утверждать, что должным образом проведенная криминологическая экспертиза законопроекта позволит сделать в той или иной степени достоверные выводы и о возможности негативных последствий для регулируемых общественных отношений (или по меньшей мере об отсутствии предполагаемых положительных результатов).

Ряд ученых справедливо отмечают «недостаточность научного сопровождения законот-

ворческого процесса, отсутствие системы экспертных оценок законопроектов» [13].

Безусловно, стоит помнить и о том, что проблемы недостаточности (как нам представляется, граничащей с полным отсутствием) научного сопровождения внесения изменений в уголовное законодательство являются следствием ряда концептуальных сложностей, среди которых особое место занимает проблема истинности гуманитарного знания как такового, которую тезисно можно обозначить как субъективность и ограниченность по времени существования большинства выводов исследователей гуманитарных наук (юриспруденции и права в том числе).

Как следствие, можно говорить и о проблемах выбора экспертов, которые способны должным образом оценить предлагаемые законодательные новеллы. Кроме того, стоит помнить и о том, что подобная деятельность по своей сути предполагает серьезный и длительный умственный труд: как минимум детальное исследование проблемы регулирования уголовного законодательства (на основе максимального объема эмпирических данных, характеризующих «текущую ситуацию», используя как сведения официальной статистики, так и альтернативные источники информации [14, с. 125]); оценка реальной возможности влияния на криминальную ситуацию уголовно-правовыми средствами; решение множества вопросов юридико-технического характера (с полным пониманием реальной «практической применимости» [15, с. 4] предлагаемых нововведений в дальнейшем) и т. д. Все это, с одной стороны, требует соответствующей квалификации лиц, проводящих такую экспертизу, и соответствующей оплаты их труда, с другой – в ряде случаев может затянуть процедуру принятия законопроекта.

Здесь стоит отметить и то, что «базовые законы должны быть стабильными и заменяться другими только в случае их устаревания, а не из сиюминутных конъюнктурных соображений, лоббистских либо корпоративных интересов законодателей и отдельных групп населения» [16, с. 10]. Отмечая актуальность данных слов, можно лишь предположить, что отсутствие на должном уровне законодательного регулирования вопросов проведения криминологической экспертизы законопроектов может быть связано с опасениями, что исследователи, проводящие подобную экспертизу, могут нередко приходить к выводу о несостоятельности доводов, отмечаемых в пояснительной записке, и

неспособности предлагаемых изменений оказать сколько бы то ни было существенное ожидаемое влияние на криминальную ситуацию. Среди прочего и ввиду указанного попытки создания аналитического центра при Институте государства и права, в задачи которого входила постоянная и системная работа по сбору и анализу статистических и социологических материалов в целях выработки криминологически обоснованных и выверенных решений по корректировке законодательства по борьбе с преступностью [4, с. 18], до сих пор не увенчались успехом.

Г. М. Миньковский утверждает, что об обоснованности внесения изменений в уголовный закон можно говорить только при наличии совокупности следующих обстоятельств: «1) выявлена социальная потребность в этих изменениях (например, обнаруживавшихся трудностей борьбы с новыми видами опасных деяний); 2) дана экспертная оценка возможности решить обнаруженную проблемную ситуацию правовыми средствами (избыточные правовые запреты или необоснованная их отмена дискредитируют политику борьбы с преступностью, порождают правовой нигилизм населения); 3) установлена невозможность адекватного решения проблемной ситуации в рамках действующего права [17, с. 32]. Соглашаясь с точкой зрения ученого, стоит задаться вопросом о возможности установления указанных обстоятельств в отсутствие криминологической экспертизы законопроекта, ответ на который, на наш взгляд, скорее отрицательный.

Стоит признать, что уголовно-правовая политика как фундамент борьбы с преступностью должна соответствовать предъявляемым к ней требованиям, ключевое из которых, на наш взгляд, состоит в криминологической обоснованности. При этом очевидна необходимость соблюдения данного требования, а также сложность его реализации ввиду объективных свойств гуманитарного знания.

Библиографический список

1. Недотко Ю. В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 25 с.
2. Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012.
3. Ендольцева А. В. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641–650.
4. Лунеев В. В. О криминолого-аналитическом и системном подходе к законотворчеству // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 4. С. 14–25.
5. Номоконов В. А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 438–446.
6. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Provocative роль уголовного закона // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 78–90.
7. Бойко А. И. Диалектика стабильности и изменчивости уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. Материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2017. С. 24–31.
8. Рарог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 24–32.
9. Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 54 с.
10. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 55–65.
11. Босхолов С. С. О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики // Всероссийский юридический журнал. 2012. С. 28–35.
12. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа: монография. СПб., 2000.
13. Маслов В. А. Криминологическая обоснованность внесения изменений в уголовный закон: использование статистики и роль средств массовой информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (101). С. 120–126. DOI 10.35750/2071-8284-2024-1-120-126.
14. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Мертвые нормы в уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.
15. Стахов Я. Г. Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 39 с.
16. Миньковский Г. М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД России: Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. М., 1995.

References

1. Nedotko Yu. V. Trends in Russian criminal law policy of the post-Soviet period: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Chelyabinsk, 2005. 25 p.
2. Modern criminal policy: search for an optimal model: materials of the VII Russian Congress of Criminal Law. M., 2012.
3. Endoltseva A.V. Basic principles of criminal policy: from theoretical reasoning to de lege ferenda // All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. No. 4. Pp. 641–650.
4. Luneev V.V. On the criminological-analytical and systematic approach to lawmaking // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2014. No. 4. Pp. 14–25.
5. Nomokonov V. A. On the criminogenicity of Russian policy in the fight against crime // All-Russian Criminological Journal. 2016. No. 3. Pp. 438–446.
6. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Provocative role of the criminal law // Social sciences and modernity. 2013. No. 4. Pp. 78–90.
7. Boyko A.I. Dialectics of stability and variability of criminal law // Criminal law: development strategy in the 21st century. Materials of the international scientific and practical conference. Omsk, 2017. Pp. 24–31.
8. Rarog A.I. Legislative attacks on the foundations of criminal law // State and law. 2013. No. 1. Pp. 24–32.
9. Sabitov T. R. Criminal law principles: concept, system and types: abstract. dis. ... Doctor of Law Sciences. Ekaterinburg, 2019. 54 p.
10. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Criminological thinking in the context of intellectual support of criminal policy // Journal of Russian Law. 2013. No. 8. Pp. 55–65.
11. Bosholov S.S. On the concept and criteria of criminological validity of the humanization of criminal policy // All-Russian Legal Journal. 2012. Pp. 28–35.
12. Milyukov S. F. Russian criminal legislation: experience of critical analysis: monograph. St. Petersburg, 2000.
13. Maslov V. A. Criminological validity of introducing changes to the criminal law: the use of statistics and the role of the media // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (101). Pp. 120–126. DOI 10.35750/2071-8284-2024-1-120-126.
14. Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Dead norms in the criminal code: problems and solutions // Criminal law. 2010. No. 6. Pp. 4–10.
15. Stakhov Ya. G. Criminal policy and its implementation by subjects of the Russian Federation: abstract. dis. ... Doctor of Law. Sci. M., 2006. 39 p.
16. Minkovsky G. M. Legal policy in the fight against crime and problems of legislative regulation of this fight // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Problems of the formation of criminal policy of the Russian Federation and its implementation by the Department of Internal Affairs. M., 1995.

Информация об авторе

Маслов Вилли Андреевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Maslov Willi A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 21.05.2024

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 21.05.2024